

Кандидат юридических наук
майор юстиции Е. А. СКРИПИЛЁВ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ВОЕННОГО ПРАВА ДРЕВНЕГО РИМА

Советскими учеными в последние годы опубликовано большое количество трудов, посвященных древнеримской истории. Мы имеем в виду прежде всего работы В. Н. Дьякова¹, Н. А. Машкина² и С. И. Ковалева.³

Помимо трудов общенсторического характера, вышли в свет исследования, посвященные наиболее важным проблемам римской истории.

Так, в исследованиях С. И. Ковалева по-новому решается вопрос о происхождении римского плебса⁴. В работе Н. Х. Юдикиса⁵ ставится и во многом по-новому решается вопрос о колонатных отношениях в период поздней республики и ранней империи. Монография А. Рановича⁶ трактует о роли восточных провинций в исторических судьбах римской империи.

Наряду с этим, многие работы посвящены истории римского права. В первую очередь следует назвать книгу И. С. Перетерского⁷, работы П. Н. Галанза⁸, И. Б. Новицкого⁹

¹ В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху (Учебные записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XLVI, М., 1947).

² Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947.

³ С. И. Ковалев, История Рима, Ленинград, 1948.

⁴ С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев (Труды юбилейной сессии Ленинградского университета, 1944, стр. 202—244). Его же: Две проблемы римской истории (Вестник Ленинградского университета, Л., 1947, стр. 86—99).

⁵ Н. Х. Юдикис, Римский колонат ранней империи (Учебные записки Вологодского педагогического института им. В. М. Малотова, Вологда, 1948, стр. 37—77).

⁶ А. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., Москва—Ленинград, 1949.

⁷ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, ч. 1, Древний мир, вып. 2, Древний Рим, М., 1945.

⁸ П. Н. Галанза, Всеобщая история государства и права, стенограмма лекций, вып. II, Древний Рим, М., 1948 (издание Высшей офицерской школы МВД СССР).

⁹ И. Б. Новицкий, Римское частное право, М., 1948 (издание Всесоюзного юридического заочного института).

и коллективный труд по римскому частному праву¹ под редакцией И. С. Перетерского и И. Б. Новицкого.

Изучение истории римского рабовладельческого общества было бы неполным и односторонним, если бы мы игнорировали столь важную часть этой истории, как военное дело. Классики марксизма неоднократно подчеркивали важность изучения истории армии. «История армии, — писал Маркс, — всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений»². Говоря об истории военного дела у римлян, Маркс указывал: «Здесь же впервые встречается в крупных размерах и применение машин. Даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег, повидимому, основывались первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. И разделение труда *внутри* одной отрасли промышленности было впервые проведено также в армиях». «Точно так же цеховой порядок возник впервые в корпорациях *fabri*»³.

Если в римской армии зародились некоторые экономические категории, то там могли сложиться и действительно сложились многие юридические институты, оказавшие сильное влияние на развитие римского частного права. Так, в период действия *ius civile* понятие *patria potestas* означало весьма широкие имущественные права домовладыки. Все, что ни добывал своей деятельностью полвластный сын, считалось собственностью главы семейства. Первая брешь в исключительном праве домовладыки распоряжаться имуществом сына была пробита институтом *peculium castrense*⁴. Имущество, добытое *filii familias* в качестве легионера, стало считаться его собственностью, а не домовладыки. Следовательно, «лагерный *peculium*» способствовал разрушению римской патриархальной семьи. Общеизвестно также, что заметное влияние на развитие римского наследственного права оказало то положение, что «*militi licet plura testamenta facere, miles pro parte testatus decedere potest, pro parte intestatus*». И. С. Перетер-

¹ Римское частное право, М., 1948 (работа составлена коллективом авторов: И. С. Перетерским, В. А. Краснокутским, Е. А. Флейшиш, И. С. Розенталем, И. Б. Новицким). Здесь мы не касаемся многочисленных статей, помещенных в «Вестнике Древней истории» (М. Е. Сергеевко, С. Л. Уткинко, А. В. Митшудин, А. Ранович, Е. М. Штаерман, Г. А. Цыблева, О. Н. Юлкина, М. И. Гендерсон, К. Э. Гриневич, Н. Ф. Дергани, Я. Манандян, Р. Ю. Виппер и др.).

² К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 25 IX—1857 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1948, стр. 435.

³ Там же.

⁴ L. L. 1—20, D—49.17—«De peculio castrensis». К. Маркс в упомянутом выше письме к Энгельсу замечает: «Ранним образом у римлян *peculium castrense* явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отца семейства».

ский ставит вопрос о том, не под влиянием ли практики военных поставок в римскую армию сложился взгляд на куплю-продажу, как на консенсуальный договор? Далее, если военные поставки производились публиканами, то нет ли здесь и появления какого-то зародыша юридических лиц?

Однако история римской армии, как важнейшей части правительственной машины, как главного орудия власти римских рабовладельцев, освещается в работах наших романистов не так полно и обстоятельно, как того хотелось бы. Римское рабовладельческое государство именно с помощью своих вооруженных сил подвергало беспощадной эксплуатации и подавляло многомиллионные массы рабов и население подвластных ему стран. К сожалению, даже в больших университетских курсах Н. А. Машкина и С. И. Ковалева римскому войску отводится очень мало места, — нередко несколько страниц, причем ограничиваются обычно описанием структуры римского легиона и его тактики. Кроме того, описывают содержание ряда военных реформ (Мария, Диоклециана и т. д.). Исключением из этого правила является работа В. Н. Дьякова. Не касаясь подробно положительных сторон (как и недостатков) упомянутой работы, укажем, что главным достоинством ее является следующее: автор на конкретных примерах проиллюстрировал положение Энгельса о том, что «Римская армия представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха»¹. В. Н. Дьяков, как никто другой в нашей литературе, подчеркнул значение военного момента в политической жизни римского государства; показательно наименование одной из глав труда: «Военизация римского быта и строя в V и первой половине IV вв.» Автор приходит к важному выводу: «Доминирующее значение военных дел, вопросов и интересов, первенствующая роль, которую армия крестьян-воинов стала играть во всей жизни римского народа... имели результатом также коренное переустройство центрального римского управленческого аппарата в направлении его полной и решительной военизации»².

В соответствии с этим автор квалифицирует центуриатные комиции, как военную сходку, общевоннский сбор для коллективного решения всем войском текущих военных вопросов, он правильно оценивает роль римского сената раннереспубликанского периода, указывая, что последний «превратился в центральный орган всего римского военного управления, в своего рода верховной властью облеченный патрицианский генеральный штаб римского народа»³. Многие буржуаз-

ные исследователи писали о римском сенате⁴, но никто из них не вскрыл его подлинного значения, хотя компетенция этого учреждения в сфере военных дел описывалась довольно подробно.

Что же касается специально историко-юридической литературы, то и в ней вопросы правовых форм организации армии не находят должного отражения; даже в лучших учебных пособиях, к которым следует отнести книги С. В. Юшкова⁵, С. Ф. Кечекьяна⁶ и И. С. Перетерского⁷, основной упор делается на гражданское право.

Следует признать, что такой подход к делу не соответствует действительному значению вооруженных сил в механизме эксплуататорского государства.

Количество исследований, подобных исследованию В. М. Корецкого «Военный строй франкского государства»⁸, все еще недостаточно велико.

Автор настоящей статьи ставит своей задачей отметить ряд проблем, с которыми пришлось бы столкнуться исследователю, пожелавшему заняться разработкой военного права римского рабовладельческого государства. При этом мы ведем речь о самом раннем (а значит — и самом трудном) периоде римской истории, так как очевидно, что лишь при таком условии мыслима успешная разработка права последующих периодов. Говорить о существовании в древнейшие времена какого-либо цельного юридического памятника, аналогичного 16-му титулу 49-й книги Дигест, естественно, не приходится. Буржуазные авторы, писавшие по отдельным вопросам военного права, клали в основу своих разысканий лишь один этот титул. Источники, относящиеся к более раннему периоду, как правило, не привлекались. Последствием такого «метода» была догматическая и антиисторическая трактовка исследуемых вопросов. Между тем, во многих случаях при изучении 16-го титула 49-й книги Дигест совершенно необходимо обратиться к источникам предшествующих эпох. Так, один из фрагментов упомянутого титула гласит: «Более тяжким преступлением является уклонение от воинской повинности, чем домогательство ее. В древности уклонявшихся от призыва (в ополчение) отдавали в рабство как предателей свободы, а теперь с изменением состава армии отказались от применения смертной казни, потому что ряды армии большею

¹ Например, М. Bloch, *Les origines du sénat Romain*, Paris, 1883; P. Willem, *Le sénat de la république Romaine*, I—II, 1885, 1893.

² С. В. Юшков, *История государства и права СССР*, ч. 1, М., 1947.

³ С. Ф. Кечекьян, *Всеобщая история государства и права*, ч. 1, Древний мир, вып. 1, М., 1944.

⁴ И. С. Перетерский, *Всеобщая история государства и права*, ч. 1, Древний мир, вып. II, М., 1945.

⁵ В. М. Корецкий, *Лекции по истории государства и права*, Харьков, 1947.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XI, ч. II, стр. 379.

² В. Н. Дьяков, *указ. соч.*, стр. 90.

³ Там же, стр. 95.

частью пополняются добровольцами»¹. Здесь налицо прямая зависимость юридической нормы от способов комплектования войска, откуда и возникает необходимость в обследовании методов комплектования римской армии в более ранние времена.

Ниже мы намерены также затронуть проблемы: о периодизации истории военного права, о происхождении плебея в связи с принципами комплектования войска по реформе Сервия Туллия, о хронологической относимости данной реформы, о военных магистратах (диктаторе, начальнике конницы, консулах и квесторах), о воинской дисциплине, о коллективных наказаниях в войске и о наградах.

Что касается других важных проблем, в частности о роли сената в военном управлении, об ауспигиях в войске, о помериуме и т. д., то мы желали бы резервировать за собой возможность высказаться по ним в будущем.

Прежде всего необходимо выяснить, насколько правомерна сама постановка вопроса о «военном праве» древнего Рима? Видный советский историк права И. С. Перетерский, признавая возможным говорить о существовании советского военного права², полагает, что хотя в Риме и были обильные нормы (обычно-правовые, а затем и законодательные), относящиеся к военному делу, к правам и обязанностям военачальников и солдат, к воинским преступлениям и наказаниям, но военного права, как отрасли права, римское право не знало³. Основной аргумент И. С. Перетерского сводится к следующему: ни римское законодательство, ни римские юристы не знали такой отрасли права, как «военное право». Хотя термин *jus militare* сравнительно часто употреблялся Ульпианом⁴, Павлом⁵ и Матером⁶, но в данном случае эти римские юристы разумели под ним юридическую норму, установленную для военнослужащих и определяющую в том или ином отношении особый режим для военнослужащих. Ведь и термин «*jus*» употреблялся часто в смысле «нормы права», а не только «права». Что же касается высказывания Вегетия⁷, характеризующего Таррунтена Патерна, как «*diligentissimus juris militaris assertor*», то, по мнению И. С. Перетерского, это высказывание не может заслуживать особо серьезного внимания по двум причинам. Во-первых, в отрывках, принадлежащих

¹ L. 4.10. D. 49.16.

² После работ В. М. Чиквадзе вопрос о существовании военного права, как отрасли советского социалистического права и как науки, представляется решенным окончательно.

³ Труды Военно-юридической академии, IX, изд. РИО ВЮА, 1949, стр. 147.

⁴ D. 29.1.4; 29.1.7; 29.1.10; 29.1.11; 29.1.42; 29.1.44.

⁵ D. 29.7.8.4.

⁶ D. 29.1.26.

⁷ Veg. de re milit. 1—8.

самому Патерну, не содержится, повидимому, упоминания о *jus militare* в этом широком смысле. Во-вторых, сам Вегетий, по всей вероятности, юристом не являлся. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что 16-й титул 49-й книги Дигест озаглавлен «De re militare», а не иначе. Такие же названия имеют сочинения Менандра, Матера и Патерна. Повидимому, термин «военное дело» пользовался широким признанием и среди юристов.

Соображения И. С. Перетерского заслуживают серьезного внимания, но полностью принять их, как нам кажется, нельзя. По всей вероятности, не следует категорически настаивать на существовании военного права в древнейший период римской истории, т. е. в ту эпоху, когда не было регулярного войска и не было военных вождей, которые были бы так кровно связаны с армией, как тот же Гай Марий и полководцы последующих времен. В период существования народного ополчения *jus militare* не могло существовать, поэтому правильнее было бы вести речь не о *jus militare*, а о *jus ducale*, хотя следы этого последнего в Риме настолько слабы, что практически трудно сказать о них многое. Само собой разумеется, что интересы подымавшейся аристократической верхушки римской общины требовали искоренения подобных следов. В силу этих соображений мы готовы признать некоторую условность термина *jus militare* применительно к царскому и ранне-республиканскому периодам. Что касается периода второй половины республики и ранней империи, то здесь мы встречаемся с таким обилием военно-правовых норм, что правомерность существования «военного права» не нуждается в особом доказательстве.

Приведем наудачу несколько положений из Дигест. «Совершенные легионерами преступные деяния или упущения могут быть либо специальные, либо общегражданские. Вследствие этого и преследование (за такие деяния) бывает либо специальным, либо общим»¹. «Специальным воинским преступлением считается такое, которое совершено лицом, действующим в качестве воина»². Следовательно, здесь дается определение воинского преступления по субъекту его. А вот определение воинского преступления с точки зрения объекта. «Воинским преступлением является все то, что нарушает требования общей дисциплины, как то: преступная трусость, неповиновение, праздность»³. Здесь же мы находим подробнейшее описание различных составов воинских преступлений. Дается, в частности, определение самовольной отлучки и де-

¹ L. 2. D. 49.16.

² L. 2.1. D. 49.16.

³ L. 6. D. 49.16.

зертств¹. В Дигестах же имеются нормы, относящиеся к военно-судебному и военно-административному праву. Известно, что римское право не знало уголовного кодекса, а римская юриспруденция сравнительно мало занималась разработкой уголовного права, систематизацией и анализом преступлений и наказаний. И нельзя считать случайным отсутствие в римском праве исчерпывающего перечня преступлений и отсутствие определенных правил о том, каким наказанием карается то или иное преступление. В той области, которую мы называем уголовным правом, царил произвол и усмотрение магистратов и императорских чиновников. Хотя, насколько нам известно, ни один римский юрист не дал определения того, что есть уголовное право, тем не менее никто не сомневается в существовании римского уголовного права. Если даже не принимать во внимание буржуазных работ по римскому уголовному праву², то все же достаточно красноречивым представляется пример И. С. Перетерского, который впервые в советской и русской литературе вообще разработал и подробно осветил вопросы римского уголовного права³.

К тому же теоретическая ценность высказываний римских юристов касательно уголовного права ничуть не выше тех высказываний, которые приводились нами ранее в отношении военно-уголовного права.

Если искать формальных определений военного права, то они, повидимому, имелись в источниках. Так, у Исидора Севильского⁴, знатока римского права, несомненно пользовавшегося не дошедшими до нас римскими правовыми источниками, находим следующее определение военного права: «Jus militare est belli inferendi solennitas, foederis faciendi nex, signo dato egressio in hostem vel pugnae commissio; item signo dato receptio; item flagitii militaris disciplina, si locus deseratur; item stipendiorum modus, dignitatum gradus, praemiorum honor, veluti quum corona vel torques donantur; item praediae decisio et pro personarum qualitatibus et laboribus justa divisio ac principis portio»⁵.

В. Э. Грабарь полагает, что этот текст принадлежит Ульпиану; если же его мнение справедливо, то мы получаем еще один аргумент в пользу существования римского военного права. Под военным правом мы в соответствии с точкой

¹ L. 32. D. 49.16; L. 33. D. 49.16; L. 4.13. D. 49.16 и т. д.

² Th. Mommsen, Römische Strafrecht, Lpz., 1899.

³ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, М., 1945, стр. 168—184.

⁴ Это место было указано нам И. С. Перетерским, за что мы и выражаем ему признательность.

⁵ Берем из книги В. Э. Грабаря, Римское право в истории международного частного права, 1901, стр. 16, прим. 1.

зрения проф. В. М. Чхиквадзе понимаем совокупность военно-юридических норм, регулирующих отношения, возникающие в области устройства, комплектования, жизни, быта и деятельности войск.

Успешное решение каких бы то ни было вопросов военного права древнего Рима и, прежде всего, вопросов, связанных с комплектованием римского войска, мыслимо лишь при том единственном условии, если мы будем опираться на правильную периодизацию, т. е. такую периодизацию, которая бы отвечала главнейшим моментам развития римского рабовладельческого общества. Без соблюдения такого условия исследование в лучшем случае будет иметь своим результатом лишь «военные древности», в которых почти или полностью отсутствует историзм. Нельзя сказать, чтобы проблема периодизации истории римской армии вообще и военного права, в частности, не ставилась и не решалась так или иначе в буржуазной исторической и историко-юридической литературе. Общеизвестной является, например, периодизация, предложенная Марквардтом¹. По мнению названного автора, историю организации вооруженных сил древнего Рима надо начинать с самого возникновения города. При этом он исходит из свидетельства Тита Ливия, содержащегося в девятой книге его труда. Как известно, здесь Ливий, отступая от исторического повествования, ставит вопрос о том, какова была бы судьба римского государства, если бы ему пришлось вступить в борьбу с таким полководцем, как Александр Македонский. Не отрицая военных способностей последнего, историк в то же время считал необходимым отметить, что и современные Александру вожди Рима в такой же мере обладали природными свойствами мужества и гения. Кроме того, по словам Ливия, «Disciplina militaris jam inde ab initiis urbis tradita perpetuis in artis perpetuis praeceptis ordinatae modum venerat»², т. е. знание военного дела (disciplina militaris), передаваемое от самого основания города от одного лица к другому, превратилось в своего рода науку, располагавшую твердо установленными правилами.

Марквардт указывает, что период гражданского ополчения можно разделить на три этапа: а) эпоха до Сервия Туллия; б) эпоха от Сервия Туллия до Камилла и в) эпоха от Камилла до конца союзнических войн.

Вслед за периодом гражданского ополчения идет, как известно, период наемного войска, заканчивающийся падением республики. Затем следует период постоянной армии, который начинается, следовательно, установлением принципата. Во

¹ I. Marquardt, Römische Staatsverwaltung, II, Lpz., 1876, стр. 310—311.

² Liv. IX—17.

втором веке все военные установления подверглись существенным изменениям и, наконец, полное их преобразование последовало при Диоклетиане.

Следует признать, что вышеописанная конструкция Марквардта, получившая признание в буржуазной романистической литературе, вряд ли может быть приемлемой, особенно в той ее части, которая относится к истории римского войска периода гражданского ополчения. Легко заметить, что упомянутый автор строит свою периодизацию по чисто внешнему моменту, а не по сути, не по содержанию того или иного периода. Периодизацию, как нам представляется, необходимо строить на других началах, исходя из экономических и политических оснований.

Царский период в истории Рима (до реформ Сервия Туллия)—это такой период, о котором мы знаем очень мало. Ф. Энгельс указывает, что легендарная древнейшая история Рима окутана густым мраком¹. Царский период—это период военной демократии. Хотя С. И. Ковалев вполне правильно замечает, что «характер и компетенция органов римской военной демократии чрезвычайно спорны»², но представляется возможным определить военную демократию, как переходный этап от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Древняя родовая организация разлагается, происходит накопление богатств в отдельных семьях, имущественные различия приводят к образованию «первых зародышей наследственной знати и царской власти»³. Древние войны, которые некогда велись племенами только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, вырождаются в систематический разбой на суше и на море с целью грабежа, захвата скота, рабов и сокровищ. По словам Энгельса, «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»⁴. Военная демократия основана на «родах, фратриях и племенах, она из них развивается: происходит сначала образование союза племен, а затем их слияние в один народ. Родовой строй стоит накануне образования государства. Власть базилевса (рекса) и совета старейшин постепенно превращается в публичную власть.

Таким образом, органы общественной власти, сложившиеся в период родового строя, начинают подвергаться глу-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 146.

² С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 57.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 122.

⁴ Там же, стр. 185.

бокому перерождению; власть отрывается от своих корней в роде или племени.

Поскольку война становится постоянным промыслом, народ в эпоху военной демократии организован по-военному. В этот период войско и народ—понятия тождественные, но это отнюдь не означает, что в войнах были одинаково заинтересованы все члены общины. Интересы верхушки общества, наследственной знати уже не совпадали с интересами рядовых общинников. Конечно, и в царский период истории Рима, может быть, еще были такие войны, которые велись ради защиты своей территории от тех или иных нападений извне, но не эти войны являются типичными. Несомненно, что верхушка римской общины, предпринимая грабительские войны в интересах меньшинства, первоначально опиралась на дружину, хотя следы дружинной организации в Риме и прослеживаются слабо. Но всегда ли эта верхушка действовала только с помощью дружины или же она использовала в своих интересах и военную силу рядовых общинников? Повидимому, нельзя исключать последней возможности. Рядовые общинники тоже шли на войну, поскольку походы были кратковременными, сезонными. Во всяком случае, чувствуется какое-то явное расслоение общинного населения на две группы: а) всадники (может быть, только позднее эта группа приобрела лошадей); б) рядовая масса. Пусть это расслоение будет еще не столь глубоким, но оно налицо. Всадники были лучше вооружены, им принадлежала руководящая роль в общине.

Таким образом, в царский период вооруженные силы комплектовались по принципу дружинного ядра, за которым тянулось ополчение.

Второй период в истории римского войска открывается реформами Сервия Туллия. Очень многое в сервиевых вооруженных силах для нас представляется неясным и подлежит сомнению. Трудно думать, в частности, чтобы свидетельство Геллия о публичных расходах было справедливым для такой глубокой древности. Вряд ли это так было. С несомненностью можно констатировать только, что армия в эпоху Сервия Туллия по сравнению с предшествующим периодом заметно усложняется. И снова здесь фигурируют центурии всадников, которые также играют роль ядра. Может быть, наличие всаднических центурий явилось пережитком общинной организации, неким анахронизмом, восходящим к эпохе военной демократии? Как бы то ни было, но бесспорным кажется то, что в этот период сил конницы все-таки не хватало. Отсюда—договорные отношения с плебсом, отсюда формирование двухобщинного войска. В ополчение включаются плебеи, может быть первоначально только богатые. Несомненно, однако, что часть плебса служила в коннице. Значение преобразований Сервия Туллия заключается в том, что они явля-

монографии. В данном случае мы останавливаемся на этой проблеме из тех побуждений, что наше понимание столь многосложного вопроса кладется в основу при решении почти всех других вопросов, поскольку таковые имеют отношение к эпохе ранней республики (о способах комплектования римского войска, о характере ценза по Сервиевой конституции, о померитуме, о должностях *magister equitum* и т. д.). Количество теорий, объясняющих так или иначе проблему происхождения плебеев, так велико, что их можно (по крайней мере основные из них) классифицировать. В нашем распоряжении имеются две такие классификации. Одна из них принадлежит Альтгейму¹ и другая, более совершенная, — нашему советскому автору С. И. Ковалеву. Первый делит теории на три группы: а) патриции и плебен — два разных племени (расы); б) патриции — крупные земельные собственники, а плебен — зависимое крестьянство; в) патриции — коренные граждане римской общины, а плебен позже присоединенное (мирно или насильственно) население. С. И. Ковалев предлагает следующую классификацию²: а) теория Нибура, или теория первоначального гражданства; б) вульгарно-экономическая или модернизаторская теория; в) теория этнической двойственности. Мы не ставим своей целью подробное изложение всех этих теорий, отсылая интересующихся к превосходной работе С. И. Ковалева, в которой дан глубокий анализ как основных теорий, так и их модификаций. Остановимся лишь на концепциях Нибура, Моммзена, отчасти других авторов, после чего обратимся к «комплексной теории» С. И. Ковалева и укажем на свое отношение к ней.

Датский ученый Нибур в своей «Истории Рима», вышедшей первым изданием в 1811 г.³, полагал, что патриции — это коренные обитатели города Рима, собственно римский народ (*populus Romanus*), явившийся результатом слияния (постепенного слияния) трех местных племен — *Ramnes*, *Tities* и *Luceres*. Первоначальным местом населения латинского народа был Палатинский холм. Патриции обладали родовой организацией. С патрициями тесно связаны клиенты. После того, как римская община (патриции) успела сорганизоваться, при четвертом царе Анке Марцие произошло покорение жителей окрестных латинских городов⁴. Покоренное

земледельческое население, составляющее ядро плебса, было переведено в самый Рим — на Авентинский холм и отчасти в долину между Авентином и Палатином. Нибур допускает, что часть плебса могла состояться из свободных латинян, включенных в римскую общину путем договора. Так как среди плебеев была и знать завоеванных городов, то она положила начало знатым плебейским родам. Плебеи, хотя и были свободны, но не имели права голоса и не обладали *connubium* с патрициями. Итак, плебен отличен от клиентов. «Положение, что сначала римский народ состоял из патрициев и клиентов... верно до образования (патрицианско-плебейской) общины», — писал Нибур¹.

В общем конструкция плебса, предложенная Нибуром, была господствующей в романистической литературе XIX и начала XX века. Многочисленные последователи Нибура продолжали развивать и уточнять отдельные положения его теории. Одну из модификаций теории Нибура находим у Шwegлера², который сам признавал, что он целиком стоит на плечах Нибура³. Шwegлер считал, что завоеванные Анком Марцием жители латинских городов не могли быть поселены в Риме, так как пространство на Авентине было явно недостаточным, а сверх того Авентин вплоть до *Lex Icilia* 456 года входил в состав *ager publicus* и был покрыт лесом, поэтому большинство плебеев были оставлены на собственных полях, образуя, следовательно, сельскохозяйственное население. Территория, на которой обитали плебен, была присоединена к Риму на основе формального договора, заключенного между патрициями и плебеями, в силу чего плебен выступают в качестве свободных собственников земли, тогда как племена, покоренные насильственно, обычно обращались в рабство. Как и Нибур, Шwegлер подчеркивал, что плебен — это класс, отличный от клиентов, которые, совместно с патрициями, образовали первоначальную римскую общину, куда впоследствии был присоединен плебеи, лишенный политических прав и стоящий вне курии.

Моммзен, соглашаясь с Нибуром, что патриции — это древнейшее население Рима, первоначальное гражданство, по-прежнему решает вопрос о происхождении плебеев. «В римской общине издавна существовали рядом с гражданами подданные люди, которых называли «поддальными» (*clientes*), ввиду того что они принадлежали к какой-нибудь отдельной гражданской семье, или «толпой» (*plebes* от *pleo*, *plenus*) ввиду их политической неполноправности»⁴.

¹ Franz Altheim, *Epochen der römischen Geschichte*, 1934, стр. 129.
² С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев («Труды юбилейной сессии Ленинградского университета», 1944, стр. 202—244). Его же: Две проблемы римской истории (Вестник Ленинградского университета, 1947, № 4, стр. 86—91). Его же, *История Рима*, Ленинград, 1948, стр. 51—56.
³ Niebuhr V. G., *Römische Geschichte*, I—II, Berlin, 1811—1812, III—1832, 3. Aufl. 1873—1874.
⁴ Liv. I—38; Cic. rep. II—18.

¹ Цитирую по С. И. Ковалеву.
² A. Schwegler, *Römische Geschichte*, I, Tübingen, 1853.
³ П. Н. Кудрявцев, Древнейшая римская история по исследованию Шwegлера («Отечественные записки», 1854, т. XCIII).
⁴ Теодор Моммзен, *Римская история*, М., 1936, I, стр. 83.

Община, указывает Моммзен, могла наряду с рабами владеть и полусвободными подвластными людьми; «в особенности после завоевания какого-нибудь города и после уничтожения существовавшего там общинного устройства победившая община нередко находила целесообразным не продавать всех покоренных граждан формальным образом в рабство, а предоставлять им фактическое пользование свободой, так что они становились, подобно вольноотпущенникам, в положение клиентов общины, т. е. царя»¹. Либеральные принципы римского права, не признававшего каких-либо ограничений в сфере гражданских взаимоотношений, привели к тому, что положение клиентов становилось все более терпимым. В области гражданских правоотношений фактическое положение клиентов ничем уже не отличалось от положения полноправных граждан общины, до полного уравнивания им не хватало только политических прав.

Таким образом, по Моммзену, плебен—это клиенты, т. е. лица, бывшие в особой зависимости от знатных патрициев. Он не проводит никакой грани между клиентами и плебеями. У него плебен происходит от клиентов. Если клиент по причине смерти своего патрона («гражданин», «патриций» и «патрон»—понятия тождественные) уходил из-под власти последнего, терял с ним связь, то он становился клиентом (плебеем) у всей общины. Совокупность таких клиентов и составляла плебе. Поскольку же источником клиентелы Моммзен считал и рабов, то получилось, что плебейская группа—это отпущенные на волю рабы. Не говоря уже о том, что здесь мы находим у Моммзена идеализированное представление о римском праве, источники клиентства—плебейства, названные им, вызывают серьезное сомнение. Можно ли говорить о рабстве, как о факторе, лежавшем в основе образования клиентелы и плебейства? Характер войны и рабовладения той эпохи никак не дает оснований для подобного утверждения. Мы знаем, что древнейшее рабство—это не античное рабство, а патриархальное. Это означает, что рабы могли насчитываться в то время единицами, в лучшем случае десятками, так что составить значительную группу клиентов (вольноотпущенников), а затем и плебеев они не могли. Плебе же—многочисленная и мощная группа, не раз колебавшая устой римской общины. Нельзя отождествлять клиентов и плебеев, как это делает Моммзен. Хотя в некоторых источниках эти две группы населения отождествляются², но есть такие свидетельства, которые целиком опровергают теорию о возможности

провести знак равенства между клиентами и плебеями³. Между тем, другой автор—Виллемс⁴ также видел источник происхождения плебея в институте клиентелы. Виллемс писал: «Плебейство произошло от клиентелы. Пресечение рода патрона фактически прекращало отношения патроната. Все клиенты этого рода делались плебеями»⁵. Собственно говоря, ни Моммзен, ни Виллемс в данном случае не высказали вполне оригинальных взглядов. Как известно, в литературе имела место та теория, по которой каждый плебей был клиентом у своего патрона⁶. Изъ считал плебеев бывшими клиентами, которые ранее принадлежали к туземному населению и после завоевания находились в крепостной зависимости от патрициев, а потом получили освобождение⁷. С другой стороны, такие авторы, как Нибур, Швиглер, Ланге, Де-Санктис и прочие, оспаривали подобное представление, основываясь на том, что римская традиция, повествующая о борьбе патрициев и плебеев, всегда отличает плебеев от клиентов, стоявших в этой борьбе на стороне патрициев.

Теорию Моммзена мы должны отвергнуть и по другим основаниям: в ней не видно борьбы между патрициями и плебеями, а главная роль в образовании плебея приписывается идеализированным римским обычаям и римскому праву. Моммзен не мог не заметить, что содержанием римской истории, вплоть до начала второй половины республики, была упорная борьба между плебсом и *populus*, борьба, достигавшая порой необычайной остроты и выливавшаяся в вооруженные столкновения (сецессии), но Моммзену мысль об организованной борьбе плебея против *populus* была совершенно чуждой. Отсюда и стремление Моммзена сгладить остроту этой борьбы, показать, что взаимоотношения между «сословиями» развивались гармонично и т. д.

Остановимся кратко на той теории, которая отнесена С. И. Ковалевым к вульгарно-экономической или модернизаторской. Наиболее видным ее представителем был Эдуард Мейер⁸, полагавший, что деление римского населения на патрициев и плебеев явилось следствием экономической дифференциации. Как те, так и другие первоначально принадлежали к гражданству, входили в состав курий и триб, но затем, в силу различных причин, появилось имущественное неравенство, приведшее и к политическому неравенству. Самые бога-

¹ Liv. II—56, 64; V—32; Dionys. VI—46; VII—19; X—27; 43.

² Willems, Le sénat de la république Romaine, I, 1878, pp. 7—17, а также Римское государственное право, I—II, 1888—1890, стр. 25—35.

³ Виллемс, Римское государственное право, I, стр. 34—35.

⁴ Ihne, Forschungen auf dem Gebiete der römischen Verfassungs-Reschichte, 1847.

⁵ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 93.

⁶ Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, § 330.

¹ Теодор Моммзен, Римская империя, М., 1936, I.
² Plut. Rom. 13; Cic de rep. II—9, 16; Dionys. II—9; Liv. VI—18: «quot enim clientes circa singulos fuisse patronos, tot nunc adversus unum hostem eritis».

тые землевладельцы (патриции), в сильной степени напоминающие феодалов средневековья, приняли на себя сопряженную с издержками обязанностью военной службы. Они же, располагая средствами и досугом, стали заниматься государственно-политической деятельностью, замещая судебские и жреческие должности. С течением времени патриции образовали замкнутую аристократию, проживающую в городе. Плебей же — это все остальное население (преимущественно мелкие землевладельцы и торговцы), обладавшее личной свободой, но лишённое политических прав. Некоторые из этих плебеев добровольно отдаются под покровительство отдельных патрициев, и таким образом возникает клиентела, аналогичная средневековому крепостничеству. Род — это есть организация богатых (патрициев), оформившаяся в процессе экономической дифференциации. Не касаясь взглядов других представителей этого направления, в частности, М. Вебера¹, Стюарта Джонса², Де-Санктиса³ и других, укажем, что всех их роднит следующее⁴: а) древняя римская община была этнически однородной; б) в образовании сословий элемент внеэкономического принуждения не имеет никакого значения, так как он тогда играл незначительную роль; в) сословная дифференциация шла исключительно экономическим путем; г) процесс образования сословий в Риме ничем существенным не отличался от образования феодальных сословий в Европе. Следует сразу же отметить, что соображения Мейера и его последователей почти не имеют никакой опоры в источниках⁵ и основываются исключительно на общих экономических соображениях и данных сравнительной истории. Главное опровержение концепции Мейера состоит в том, что «Римский хозяйственный строй не был еще настолько развит, чтобы образование плебса могло быть результатом экономического расслоения»⁶.

Третья теория, названная С. И. Ковалевым «теорией этнической двойственности», состоит в следующем. Античная традиция, подкрепляемая к тому же данными археологии и лингвистики, настоятельно подчеркивает резкую обособленность патрициев и плебеев в области религиозной, бытовой и политической жизни. Представляется поэтому возможным говорить о происхождении патрициев и плебеев от разных этнических слоев, от разных племен. Сторонники этой теории

¹ Макс Вебер, *Аграрная история древнего мира*, перевод под ред. Д. М. Петрушевского, Москва, 1923, стр. 271—302.

² Stuart Jones, *The Cambridge ancient history*, VII, 1928, pp. 407—435.

³ De-Sanctis, *Storia dei Romani*, I, 1907, стр. 224—255.

⁴ С. И. Ковалев, *Проблема происхождения патрициев и плебеев* (Труды юбилейной сессии Ленингр. ун-та, 1944, стр. 215, сл.).

⁵ За исключением Dionys, II, 8.

⁶ Н. А. Машкин, *История древнего Рима*, М., 1947, стр. 93.

видят в плебеях потомков древнейшего доиталийского населения (лигуров, сикулов, этрусков, и др.), а в патрициях — италиков.

Поскольку теория этнической двойственности была впервые развита в работе проф. Московского ун-та Д. Л. Крюкова (Пеллегрини)¹ и была углублена затем в трудах проф. Харьковского ун-та И. В. Нетушила², постольку, как нам представляется, есть основания назвать ее «русской теорией» или «русским направлением» в вопросе о происхождении плебса. Идея Крюкова лишь много лет спустя были развиты в работах иностранных романистов — Оберцинера³, Риджвея⁴ и др. Отмечая ряд недостатков теории этнической двойственности, С. И. Ковалев указывает, что «положительной ее стороной является то, что она с полной ясностью поставила вопрос о резкой обособленности патрициев и плебеев, обособленности столь большой, что она, быть может, действительно требует допущения какого-то смешения различных этнических групп, лежавшего в основе дальнейшей социальной дифференциации (причем, само собой разумеется, это смешение не исключает, а скорее требует предварительной дифференциации внутри синокизировавшихся этнических элементов)»⁵.

Разобрав подробнее все теории, С. И. Ковалев приходит к выводу, что ни одна из них не дает удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении патрициев и плебеев. Каждая из теорий опирается только на один из вариантов традиции или использует один какой-нибудь вид источников. Правильно подмечая отдельные стороны явления, существующие теории не объясняют явления в целом. Задача, по мнению С. И. Ковалева, состоит в том, чтобы создать теорию, которая бы учитывала все варианты традиции и опиралась бы на все виды источников. «Ту теорию, которая дала бы правильный ответ на вопрос о происхождении патрициев и плебеев, лучше всего было бы назвать комплексной теорией: 1) в отличие от всех прежних теорий, опирающихся на один какой-нибудь вариант традиции, она... может и должна опираться на все три варианта; 2) в отличие от прежних теорий,

¹ Впервые Крюков опубликовал работу на немецком языке: Pellegrino, «Aendeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patrizier und Plebeier, Lpz., 1842. На русском языке его исследование: «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении», «Прошлые», т. IV, 1854 г., стр. 1—80.

² И. В. Нетушил, *Обзор римской истории*, Харьков, 1912 г.

³ G. Oberziner, *Origine della plebe romana*, 1901 г.

⁴ William Ridgeway, *Who were the Romans? Proceedings of the British Academy*, 1907—1908, London, p. 17—60.

⁵ С. И. Ковалев, *Проблема происхождения патрициев и плебеев* (Труды юбилейной сессии Ленингр. ун-та, Л., 1944, стр. 227).

использовавших (за немногими исключениями) один какой-нибудь вид источников, она должна привлечь все их виды»¹.

Группу источников, которая утверждает, что патриции—коренное гражданство Рима, одно только обладавшее родовой организацией, что плебей—покоренное или пришлое население, стоявшее вне родовой организации, и что они отличны от клиентов, С. И. Ковалев называет *вариантом А*. Сюда относятся: Liv. X—8, 10; II—64; V—32; Dionys. II—8; VII—19; X—43; Plut. Rom. XIII; Aul. Gell. X—20, 5—6; XV—27; Lyd. de mens., IV—1; Cic. pro Caec. XXXII, 101; Fest., p. 241 M.

Группа источников, которая гласит, что патриции—не все гражданство, а только его знатная верхушка, что плебей также имели родовую организацию, входили в курии, принимали участие в куриальных собраниях и в куриальных sacra и что плебей и клиенты представляли одну и ту же часть населения, названа С. И. Ковалевым *вариантом В*.

Сюда относятся: Liv. I—8; I—43; II—56; VI—18; XXVII—8; Dionys. II—7; IV—20; VI—89; Cic. de r. p. II—8, 14; II—9, 16; II—12, 23; pro Corn. fr. 23, p. 451; in Verr. II—1, 45, 115; de orat. 39, 176; Suet. Tib. I; Vell., I—8, 5; Digest., I, 2, 2; Fest. P. exc. 49; p. 247; p. 253; p. 174 M.; P. exc. 349.

Наконец, ту группу источников, которая подчеркивает резкую этническую обособленность патрициев и плебеев и указывает на сложный этнический состав ранней римской общины, С. И. Ковалев относит к *варианту С*.

Здесь имеется: Liv. I—34; II—16; IV—2; VI—41; X—23; Dionys., II—36, 37, 48; X—60; Varro de l. l. V—46; V—55, 56, 73; Suet. Tib. I; Flor., III—18, 1; Macrob., III—9; Institut., I, 2, 2; Tac. Annal., IV—65; C. I. L., XIII—1668; Fest., p. 231, p. 236; Fest., 44; P. exc. 49; 354.

То обстоятельство, что мы имеем дело с стойким повторением одних и тех же утверждений, хотя бы и противоречивых, идущих по нескольким обособленным линиям на протяжении многих веков, по мысли С. И. Ковалева, может иметь лишь одно объяснение: все три варианта традиции одинаково достоверны.

«Противоречия между ними объясняются либо тем, что та или другая линия традиции в известный момент обращала внимание лишь на одну сторону сложного явления, игнорируя все остальные, либо тем, что противоречивые показания источников относятся к разным эпохам, но в нашей наличной традиции смешаны в одну кучу»².

В своей более поздней работе С. И. Ковалев еще резче оттеняет эту мысль: «заинтересованные линии традиции отражают разные стадии развития римской общины и, следо-

¹ С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев (Труды юбилейной сессии Ленингр. ун-та, Л., 1944, стр. 234).

² С. И. Ковалев, *ит. соч.*, стр. 232.

вательно, каждая для своей эпохи соответствует реальному положению вещей»¹.

Наконец, в своем фундаментальном университетском курсе С. И. Ковалев указывает, что противоречивость традиции «объясняется тем, что разные источники отражают различные стадии формирования сословий»².

С. И. Ковалев полагает, что варианты А и С старше В, с чем нельзя не согласиться. Вариант С может быть использован для подкрепления варианта А. «Тот вариант традиции, который изображает патрициев, как коренное гражданство, является более древним, чем тот, который рисует их как знать»³.

Итак, общая картина рисуется С. И. Ковалеву в следующих чертах. Единая римская община *populus Romanus* образовалась путем слияния двух общин: латинской и сабинской. Латинское поселение на Палатине было более древним (IX—VIII вв.), а сабинское поселение на внешних холмах, в частности на Эсквiline, появилось несколько позже. Латины и сабины, будучи родственны по языку и культуре, полностью ассимилировались друг с другом, образовав коренное гражданство—древнейших патрициев. Латинско-сабинские роды, объединившиеся в *populus Romanus*, имели в своем составе клиентов (и рабов). Клиенты в своей массе принадлежали к тем же племенным группам, что и их патроны—патриции. Это были экономически и социально деградировавшие люди, попавшие в зависимость от патрицианских родов. Клиенты, повидимому, входили в родовую организацию патрициев, участвуя в куриальных sacra и в собраниях по куриям. Первоначально клиенты были резко отличны от плебеев.

Плебей—это в большинстве своем иностранцы, жившие в Риме на положении «колонии» и лишь постепенно слившиеся с остальным населением. Плебей появились благодаря военному подчинению соседних общин, мирному договору с ними, а особенно же благодаря свободной иммиграции из соседних поллисов. «Возможно, что именно иммиграция, а не завоевание, дала основную массу плебеев»⁴.

С. И. Ковалев не исключает и третьего источника плебейства—«внутреннего». По его словам, плебеями могли стать потомки вольноотпущенных, порвавшие связь со своими патронами, бывшие клиенты деградировавших или вымерших родов, незаконорожденные и тому подобные чисто римские элементы.

¹ С. И. Ковалев, Две проблемы римской истории (Вестник Ленингр. ун-та, 1947, стр. 90).

² С. И. Ковалев, История Рима, Ленинград, 1948, стр. 55.

³ Там же.

⁴ С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев, Труды юбилейной сессии Ленингр. ун-та, стр. 239.

Этнически большинство плебеев принадлежало к этрускам, хотя среди них были, несомненно, латинские и сабинские элементы. Впрочем, здесь С. И. Ковалев делает оговорку: «В ту раннюю эпоху, в которую происходит процесс образования римской общины, италийские племена окончательно еще не сформировались. Они только складывались из предшествовавших им, более примитивных и более аморфных этнических образований. Поэтому для этой эпохи правильнее говорить не о «латинах», «сабинах» и «этрuscoх», а о «протолатинах», «протосабинах» и «протэтрuscoх». Этим мы подчеркиваем как раз тот момент неполной этнической оформленности, который в дальнейшем облегчил слияние римских сословий в один римский народ»¹.

С течением времени различие между гражданами (латино-сабинами) и иностранцами (этрuscoми) стирается, но патриции из коренного гражданства превращаются в замкнутую группу знати, в сенаторскую аристократию. Иными словами, противоположность между патрициями и плебеями свелась к противоположности между знатью и народной массой, причем процесс «замыкания» патрициата оформился только к началу республики.

Как же решает С. И. Ковалев вопрос об этрусском завоевании в Риме? Он сомневается в том, чтобы это завоевание имело место в действительности. Вряд ли для объяснения многочисленных этрускизмов римской жизни нужно непременно допускать завоевание. «...факт этрусского завоевания кажется нам мало вероятным», — замечает С. И. Ковалев...». Но если даже он и имел место, это не могло оказать глубокого влияния на процесс образования сословий, хотя бы по одному тому, что этрусское господство было кратковременным и имело место в самом конце царского периода, когда римские сословия в основном уже сформировались.

Мы полагаем, что главные положения «комплексной теории», выдвинутой С. И. Ковалевым, необходимо принять, поскольку они удовлетворительно объясняют многие моменты, прежде бывшие неясными. Большая заслуга С. И. Ковалева состоит в подлинно историческом подходе к решению сложнейшей проблемы ранней римской истории. К сожалению, автор не разъяснил читателю, каково его понимание положения Маркса, что плебей — это «позднее принятые сельские общины»².

Кроме того, конструкции С. И. Ковалева в той части, в какой она относится к плебею, присуща, по нашему мнению,

¹ С. И. Ковалев, Две проблемы римской истории (Вестник Ленингр. ун-та, Л., 1947, стр. 91).

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 12. Здесь имеется в виду принятие в римское гражданство — Е. С.

некоторая незавершенность. Не вполне четко решен вопрос и о клиентах. Думается, что источники clientela, указанные им, не были столь множественны.

Исходя из указаний Маркса и Энгельса и учитывая взгляды русских (Д. Л. Крюков, И. В. Нетушил) и советских (С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, И. С. Перетерский, В. Н. Дьяков, В. С. Сергеев, А. В. Мишулин, П. Н. Галанза, А. Г. Бокшанин и др.) романистов, представляется возможным нарисовать следующую картину древнейшего периода римской истории.

История застаёт древний Рим как поселение на левом берегу Тибра, в 20—25 км от его устья. В более позднюю эпоху Рим помещался на семи холмах (Палатин, Эсквилин, Капитолий, Авентин, Квиринал, Виминал и Целий). Раньше всего (приблизительно в X веке до н. э.) был заселен Палатин. Поскольку палатинские поселенцы сжигали трупы умерших и хоронили пепел в особых сосудах, то считалось, что эти поселенцы латинского происхождения. Позже (с конца IX века) появляются другие поселенцы, осевшие на Квиринале и Капитолии. Эти поселенцы практиковали зарывание умерших в землю (труположение), почему их в науке принято считать сабинами. Приблизительно к VIII—VII веку племенные группы, расположенные на холмах, объединяются на почве сиюнизма в единое целое — *populus Romanus*. Город в собственном смысле слова был основан, согласно традиции, в половине VIII века. Но первоначальная площадь города не оставалась неизменной. Насчитываются четыре этапа расширения Рима в период царей: а) «квадратный Рим» (*Roma quadrata*); б) семихолмье или «семиградье» (*Septimontium*); в) город четырех округов (очевидно VII век); г) «город Сервия Туллия» (VI век). Важно здесь же отметить, что заселение Авентина произошло позже, нежели заселение других холмов. Само слово «Рим» (*Roma*) этрусского происхождения и означает, быть может, «холм».

Археологические раскопки и разные другие источники дают современной науке возможность обнаружить у римлян следы родового строя. Мы наблюдаем первобытно-общинный строй в стадии его разложения. Под воздействием тех же причин, что и в Аттике, здесь также появляется имущественно сильная группа, верхушка общины (патриции) — сильное подобие греческих эвпатридов. Сходство между патрициями и эвпатридами объясняется одинаковостью путей развития греческого и римского родов. Однако следует оговориться, что хотя в своих истоках история Рима очень близко напоминает историю Афин, хотя как в Греции, так и в Риме государство образовалось на развалинах родового строя, все же римский род шел по пути греческого лишь до поры до времени.

Римская община развивалась не изолированно. Она не была настолько сильной в экономическом отношении, чтобы противостоять влиянию других народов. С одной стороны, римляне должны были торговать с этими народами, а с другой, поскольку у них было много врагов, вступать в союзы с теми или другими племенами, чтобы устоять и потеснить противников. Этрусские племена, обитавшие к западу и северу от Тибра, оказали сильное влияние на судьбы Рима. Для VIII и VII веков Этрурия представляла собой мощное государство. Изучение этрусских древностей показывает, что корабли этрусков появлялись даже в Карфагене. Этрусски осуществлялся обмен также и с греческими государствами-городами. Именно этим объясняется тот очень интересный факт, что при раскопках в Италии были обнаружены предметы критского происхождения или Эгейской культуры. Культурное и экономическое влияние этрусков на окружающие племена осуществлялось не только в форме торговых связей. Исследователи отмечают устремления Этрурии иметь в своих руках не только западный (правый), но и восточный (левый) берег Тибра. На этой почве между Этрурией и Римской общиной происходила серьезная борьба. Несмотря на то, что Этрурия раньше встала на путь обмена и обогнала в своем развитии Рим, в конечном счете двенадцать полумифических этрусских общин поникли, так и не добившись победы над Римом. Однако во многом бесспорное влияние этрусских элементов на римскую общину привело некоторых исследователей к крайним выводам. Куно¹, например, старался доказать, что Рим, подобно Вейям и Фиденам, был этрусским городом и что корни борьбы между «сословиями» лежат в этрусском завоевании на территории, принадлежавшей латинянам. Патрицианские роды, по мнению Куно, — потомки этрусских завоевателей, от которых в конце концов освободился латинский плебе. Свое положение Куно доказывал следующими соображениями: а) наименование трех триб — этрусское; б) Варрон сообщает, что в Лациуме города строились по этрусскому образцу; в) *Roma quadrata* напоминает четырехугольные этрусские города; г) легенда о Риме — этрусского происхождения; д) Сервий Туллий тождественен этрусскому *Mastarna* и происходит не от *Servus*, а от умбрийского названия божества *Āerĭo*, что означает «князь», «правитель»; е) *Classis* в сервиевой реформе тождественно этрусскому клану.

Впрочем, взгляд Куно не явился большой новостью. Еще Нибур в первом издании своей «Римской истории» утверждал, что «все в Риме говорит об этрусском происхождении». Согласно этому взгляду, латинизация города Рима произошла

¹ Cuno, I. G. Vorgeschichte Roms, I—II, 1878, 1888.

только при Тулле Гостилии (третьем царе), присоединившем к Риму Альбу Лонгу.

Куно верно указывает, что патриции и плебеи — это не два сословия одного и того же народа, но два различных народа, которые имели различную религию,¹ у которых не было брачного и правового общения и которые заключали между собой государственные договоры. Однако его соображения касательно этрусского происхождения Рима и патрициев неубедительны, так как археологические данные говорят о существовании Рима и в доэтрусскую эпоху. Если даже допустить, что цари были этрусского происхождения, то все же непонятно, как могло случиться, что цари («тираны») объединяются с покоренными латинами (плебсом) для борьбы с патрициями, принадлежащими к той же народности, что и цари? Патриции — это не этрусски, а органическая часть разлагающегося римского рода. Этрусское влияние надо искать в плебейх, хотя последние не равнозначны этрускам. Биндер, полемизируя с Куно, пишет: «Я не могу поэтому согласиться, что патрицианский Рим был этрусским Римом. Я, наоборот, полагаю, что если уж искать следы этрусского бытия, то их надо нащупывать в римском плебее. На Целийском холме находились святилища *Dea Capta* и *Minerva Capta*. Оба они, без сомнения, этрусского происхождения. Из этого можно сделать предположение, что на этом холме проживали этрусски, которые после изгнания Тарквиния были причислены к плебсу. Далее мы видим, что богиня Минерва вначале почиталась только там, где жили плебеи, т. е. на Авентине и на холме Целие. Из этого нельзя, конечно, делать тот вывод, что плебеи были этрусками, но я думаю, что мы будем близки к истине, если скажем, что в римском плебее мы найдем сильный этрусский элемент»². Сказанное Биндером в 1909 г. есть лишь повторение того, что говорилось Крюковым еще в 1842 г., т. е. почти за 70 лет до Биндера. Именно Дмитрий Львович Крюков пришел к выводу, что плебеи были сильно смешаны с этрусскими элементами. «Как сабинский элемент был ферментом субстанции латинского патрициата, так этрусский элемент являлся еще более сильным ферментом латинского плебеа»³, — такова идея Д. Л. Крюкова.

К сказанному выше о географическом местоположении Рима надо добавить, что через Рим проходила «Соляная дорога» (*Via Solaria*), по которой соль, добываемая в устье реки, шла вглубь, в области сабинян и умбров. Следовательно,

¹ Не забудем, что этот взгляд впервые был высказан нашим соотечественником Д. Л. Крюковым.

² I. Binder, Die Plebs, 1909, стр. 282.

³ С. И. Ковалев, Проблема происхождения патрициев и плебеев (указ. сб., стр. 220, сл.)

римская община имела возможность контролировать этот торговый путь.

И. В. Нетушил придавал большое значение этому обстоятельству: «В условиях торговли солью и нужно искать причину проникновения сабиния на территорию Рима и образования ими там своего поселения с крепостью на Капитолии»¹.

Если учесть к тому же, что доступный переход через Тибр был около Рима («священный мост»)², то станет ясным, что все это не могло не привлекать для торговли с Римом выходцев из других общин. На одном из семи холмов (Авентин) или у его подножья поселилась какая-то группа. Куно полагал, что это была этруская группа. Однако более вероятным представляется, что первоначально эта группа по своему составу была неоднородной, этнографически смешанной. По всей вероятности, там были и латины, но преобладал в ней все же этрусский элемент, так как среди этих пришельцев обнаруживаются факты преобладающего влияния этрусского быта, религии и культуры. Так как большинство членов этой группы (назовем ее плебейской) выселилось в свое время из Этрурии, то будет правильным сказать, что в целом эта группа, несомненно, была связана с Этрурией и была, быть может, ее аванпостом. Археологические данные говорят о том, что изучаемая эпоха была эпохой бронзового века. Для ведения частых войн Риму требовалось значительное количество вооружения, нужна была медь для постоянного и прогрессирующего производства оружия³. Медь, так необходимая для целей вооружения, находилась в руках у плебеев, которые привозили ее из Этрурии. Итак, плебейская группа была своеобразным перевалочным пунктом для идущей из Этрурии меди. Мы можем сказать, что в этой плебейской группе имелись признаки денежного хозяйства, она была богатой, т. к. обладала медью, привезенной из Этрурии, а медь, как известно, в древности играла роль денег⁴. Плебей были намного богаче римлян по количеству движимых имуществ. Конечно, плебей занимались также и земледелием, но земли у них было мало, так как она находилась в руках римской общины. Кроме того, на первых порах плебей не сядут на землю, так как привел их к Риму отнюдь не земледельческий интерес. Лишь с течением времени, когда плебей стали постепенно утрачивать связи с Этрурией, когда роль этрусского государства пала, им надо было садиться на землю. Отсюда

¹ И. В. Нетушил, Обзор римской истории, Харков, 1912, стр. 20.

² С. А. Селяванов, О древнейшем мосте через Тибр (Филологическое обозрение, 1893, т. IV).

³ А. Машудин, К изучению роли войны и военного производства в древности (ВДИ, № 1, 1940, стр. 219—230).

⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1938, стр. 75.

и борьба плебеев за землю. Но как понимать указание Энгельса о том, что «земля была, повидимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом»?¹ Это высказывание, как видно из слов «повидимому» и «почти», вовсе не означает, что в действительности земля была поровну разделена между плебсом и *populus*. Энгельс, конечно, не имеет в виду *ager publicus*—эту святая святых римских патрициев, поскольку «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником»² и поскольку «Собственность—это собственность квинтиская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно—частный земельный собственник»³. Маркс указывал, что «Право пользования общинной землей путем владения ею принадлежало первоначально патрициям»⁴...

Энгельс не имеет здесь в виду и формальный передел земли, так как он появился, по свидетельству источников, лишь в эпоху республики (*plebiscitum Icilium de Aventino publicando*)⁵. С другой стороны, Энгельс говорит о том, что «торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса»⁶.

Таким образом, речь могла идти лишь о фактически занятых плебсом землях, примыкавших к Авентину, может быть даже не включенных в тот период в *ager publicus*. С вопросом о земле тесно связана проблема ценза по Сервиевой конституции. Что было положено в основу ценза при делении общества в VI веке на пять классов? Подавляющее большинство исследователей утверждает, будто в основе сервиевского ценза лежала собственность поземельная (И. С. Перетерский, Н. А. Машкин, С. И. Ковалев, В. Н. Дьяков и др.), но мы не можем согласиться с этим утверждением. Если бы мы не можем согласиться с этим утверждением. Если предположить, что Сервием Туллием в основание ценза была положена земля, то теряется всякий смысл самой реформы. В этом случае она не имела бы никакого революционного значения, и пришлось бы признать, что плебей не только не попали бы в первый класс, но очутились бы где-нибудь в пятом классе. Та теория, согласно которой в основу разделения общества на классы была положена земля, а не имущество, должна быть подвергнута критическому анализу. Плебей

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 146.

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 9.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 11, сл.

⁵ Liv. III—31; Dionys. X—31, 32.

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 146.

ладали прежде всего движимым имуществом. Мы полагаем поэтому, что первоначальное деление на классы основывалось не на поземельной собственности, а на материальной стоимости всего имущества, по совокупности имуществ. Дионисий Галикарнасский прямо указывает, что пятиклассовое деление было произведено по признакам движимого имущества, по богатству вообще¹. Наконец, что особенно важно, мы находим у Маркса такое указание: «Главные изменения, благодаря которым были вытеснены роды и было учреждено политическое общество, сводились к следующему: 1) установленные классы, образованные в соответствии с индивидуальным богатством... Сервий разделил весь народ на шесть классов по ценности имущества...»².

Достоверны ли данные, сообщаемые источниками относительно размеров ценза и достоверна ли та оценка имущества в ассах, которая приводится хотя бы у Ливия³? Как известно, согласно традиции, ценз I класса составлял 100.000 ассов, II класса—75.000; III—50.000; IV—25.000 и V—12.500 ассов⁴. Полагают, что цифры, приведенные выше, имеют в виду ассы более позднего времени, так называемые «секстантарные ассы», введенные лишь в конце первой Пунической войны. Поскольку эти секстантарные ассы были уменьшены в пять раз против прежних ассов, существовавших при Сервии Туллии и равнявшихся фунту меди, то, чтобы получить цифры эпохи Сервия Туллия, надо приведенные цифры уменьшить в пять раз. Тогда получим: 20, 15, 10, 5 тысяч и для V класса 2.200 или 2.500 ассов⁵. Конечно, размер ценза трудно, да и невозможно, пожалуй, в точности определить. Он мог быть и другим. Сами по себе цифры для нас не столь важны. Важна и очевидна лишь дифференциация имуществ. Для того, чтобы зафиксировать такую дифференциацию и затем разделить граждан по классам, нужно было знакомство с письменностью. Разысканиями В. И. Модестова⁶ установлено, что искусство писать было вполне знакомо римлянам в конце царского периода. Основной довод сторонников поземельного ценза состоит в том, что чеканные ассы появились только в половине V века, и так как основой хозяйства во времена Сервия Туллия было земледелие, то, исходя из стоимости одного югера земли в 1000 старинных ассов (либ-

ральных), получают такие цифры: ценз первого класса 20 югеров (полный надел); второго—15 югеров (три четверти надела); третьего—10 югеров (половина надела); четвертого—5 югеров (четверть надела) и пятого—2 югера (десятая часть нормы). Что же касается денежной оценки (опять-таки земельного надела), то она появилась в период цензурства Аппия Клавдия в 312 году. Действительно, в VI веке в Риме не было чеканной монеты. Она появилась не раньше эпохи XII таблиц. Из этого вовсе не следует, что вопрос о характере ценза может быть решен так просто. Реформаторская деятельность Сервия Туллия в оильной степени ущемила права патрициата, до тех пор основывавшего свое могущество на земельной собственности. Сервий Туллий действительно совершил революцию, потеснив наследственную аристократию. Так как родовая собственность, основанная на земле, была подорвана в интересах новой собственности, носителями которой были плебей, то патриции не могли примириться с подобным положением вещей и убили Сервия Туллия, создав легенду о том, что он был будто бы не настоящим царем, а лицом рабского происхождения. В 510 году они совершили переворот, изгнав последнего царя—Тарквиния Гордого. Создалась республика. По преданию, Тарквиний бежал в Этрурию. И, действительно, могила рода Тарквиниев была обнаружена в этрусском городе Цэре. Источники говорят, что патриции опасались, как бы Тарквиний не привел с собой этрусков, но попытка Тарквиния создать ополчение в Этрурии с тем, чтобы вновь утвердиться во власти, не увенчалась успехом. Несмотря на слишком глухие свидетельства источников, можно с большой долей вероятности утверждать о каких-то изменениях, произведенных патрициями и направленных на восстановление их положения. Патриции, естественно, повели атаку против того главного, что содержалось в реформе Сервия Туллия, и добились, вероятно, отмены имущественного ценза. Конечно, уничтожить нововведение Сервия Туллия в полном объеме они были не в силах, и деление общества на разряды, учрежденное Сервием Туллием, остается, но ценз отныне стал определяться не по состоянию вообще, а по земле, поэтому мнение Моммзена, состоянию вообще, а по земле, поэтому мнение Моммзена, что «смотря по величине земельных участков, все люди, способные нести военную службу, разделялись на пять разрядов»⁷, справедливо не для периода, когда наступила патрицианская реакция и когда острота преобразований Сервия Туллия в значительной мере была сглажена. Реакция, направленная на восстановление былого значения родовой поземельной собственности, не могла заставить плебс, богатый своими материальными силами, отступить. Начинается новая стран-

⁷ Моммзен, История Рима, I. М., 1936, стр. 88

¹ Дионис, IV—16.

² К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 179.

³ Liv. I—43.

⁴ По Дионисию. По Ливию же — 11.500 ассов.

⁵ И. В. Нетунял, Очерк римских государственных древностей, Харьков, 1894, стр. 49, сл.

⁶ В. И. Модестов, Римская письменность в период царей. Казань, 1898.

за борьбы плебеев за восстановление их поправных прав, за обладание землей.

Особого внимания заслуживает тот вариант традиции (С), который подчеркивает резкую обособленность патрициев и плебеев. Плебеи стоят вне патрицианских родов и куриий¹, только они могут «указать своих отцов»², дети же плебеев считались *incerta proles*³, т. е. не знающими своего отца. Плебеи не могли вступать в браки с патрициями, т. е. не обладали *ius connubii* в то время, как браки между патрициями и иностранцами дозволялись⁴. Существование этого правила говорит об очень глубоком различии между плебсом и верхушкой римской общины. Анализируя семейно-брачные отношения, сложившиеся у патрициев и плебеев к моменту принятия закона Канулея, И. В. Нетушил⁵ приходит к заключению, что патрицианская семья—это патриархальная семья, все члены которой находятся под властью домоладыки (*pater familias*). Плебейская же семья основана на началах материнского права, т. е. матриархата. В плебейской семье глава не отец, а мать, которая является и хозяйкой семейного имущества. Подобное различие, правда, с течением времени сгладилось, но оно не прошло бесследно и в сфере юридической. Нетушил подчеркивает, что правовое различие между браком *sine manus* и *sine manus* должно быть объяснено существованием этих двух семейных начал—патриархального и матриархального. Брак с мужней властью восходит к патрицианской семье, в которой жена совершенно бесправна, подчинена экономически своему мужу. Брак же, при котором жена была просто ихог, но имела право распоряжаться своим имуществом, а также и расторгнуть брак, ведет свое начало от семьи плебейской, матриархальной. К сказанному Нетушилом надо добавить, что формы заключения брака у патрициев и плебеев были различными. У первых—применялся обряд *confarreatio*, у вторых — *coemptio* и *usus*⁶.

У плебеев был свой культ (антропоморфный), отличный от патрицианского (символического). У плебеев был свой храм Цереры, расположенный у подножья Авентина, и была часовня плебейской целомудренности. Некоторые исследователи полагают, что для решения вопроса о происхождении плебса можно было бы привлечь данные археологического характера. Исследователи заострили внимание на том, что в Риме, как это

¹ Liv. X—8: «patricios solos gentem habere».

² Liv. X—8: «patricii sunt, qui patrem clere possunt».

³ Liv. IV—2.

⁴ Liv. IV—3.

⁵ И. В. Нетушил, Обзор римской истории, Харьков, 1912, стр. 12—13.

⁶ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, т. 1, Древний мир, вып. II, Древний Рим, М., 1945, стр. 97.

мы видим в двенадцати таблицах¹, существовало два способа погребения—закатывание и сожжение. Они правильно замечают по этому поводу, что эти различные способы захоронения говорят нам не о разных культурных эпохах одного и того же народа, а о различиях, существующих у разных народов, т. е. плебеев и *populus*. Существовали специальные плебейские имена, плебейская одежда, плебейские хижины, отличные от патрицианских *domus*, плебейский хлеб (*panis plebejus*), плебейские игры (*ludi plebei*) и даже плебейский язык. Лишь патриции имели право ауспий: «Кому же по обычаю предков принадлежит право ауспий? Разумеется, патрициям, ибо ни один плебейский магистрат не выбирается с совершением ауспий. Нам же ауспиции до того близки, что не только избираемые народом патрицианские магистраты избираются не иначе, как при гаданиях, но даже мы сами, без народного голосования, назначаем междуцаря при ауспийях и в частной жизни имеем ауспиции, которых плебеи не имеют, даже занимая должности»².

У плебеев были свои собственные собрания, свои руководители—плебейские эдилы и *tribuni plebis*. Какой же следует сделать вывод из всего этого? Учитывая, что плебеи представляли собой особый этнографический элемент, существенно отличный от патрициев и их клиентов, и что «обособление сословия плебеев не есть дело случая, а коренится глубже во всем укладе их жизни»³, и приняв во внимание общность религиозных верований, семейного быта, экономических и политических интересов плебеев, надо сделать тот вывод, что плебеи были организованы в общину, такую же самостоятельную, как и *populus Romanus*. Разношерстная по своему этническому составу группа с преобладанием в ней выходцев из Этрурии оказалась с самого начала в таких условиях, которые породили реальную внутреннюю экономическую, этническую и религиозную связь между ее сочленами. Объединяющим началом явилась не только общность экономических интересов пришельцев—их стремление развивать и укреплять хозяйственные отношения с Римом, но и тот общий для всех без изъятия индивидов данной группы негативный признак, что они стояли вне римских родов и куриий. Члены этой группы были связаны, кроме того, общностью территориального местоположения (Авентин)⁴. Таким образом история взаимо-

¹ И. И. Яковкин, Двенадцать таблиц (Хрестоматия по древней истории, под ред. В. В. Струве, П. М., 1936, стр. 33): Таблица X—1: «Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе», ср. табл. X—2, 3, 8—10.

² Liv. VI—41.

³ И. В. Нетушил, Обзор римской истории, Харьков, 1912, стр. 14.

⁴ Многие исследователи возражают против этого, ссылаясь на то, что Авентин вплоть до закона Ицилия входил в состав *ager publicus*, т. е. считался общественной землей. Однако трудно предло-

отношений между плебеями и *patricii* может быть определена, как история борьбы и слияния двух общин. Она свелась к преодолению (мирным и насильственным путем) всех препятствовавших такому слиянию. Роль активного начала в данном процессе принадлежала общине плебейской, борющейся за землю и за получение тех привилегий, какие по своему происхождению являлись исконно римскими. По сути дела, речь идет о слиянии двух общин, протекавшем длительное время и в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Если мы обратимся к той характеристике плебса, какую дал Энгельс, то здесь совершенно недостаточно будет констатировать, что в основе его взгляда лежит теория Нибура. Важно подчеркнуть другое, а именно: хотя Энгельс располагал сравнительно ограниченным материалом современной ему исторической науки, но он создал глубочайшее построение, доказав, что: а) плебен лично свободны; б) они стояли вне римских родов; в) плебен, благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению, сделались грозной силой для римской общины. Быстро выросшее экономическое могущество плебса, основанное на обладании торговым и промышленным богатством, встало в противоречие с прежними формами связи между двумя общинами. *Patricii* по отношению к плебсу выступал, как замкнутый и обособленный коллектив, всеми силами противившийся проникновению инородных элементов. Известно, что на всякого иноплеменного человека в древности смотрели, как на врага. Родовая замкнутость *patricii* препятствовала плебейской общине осуществлять взаимоотношения с ним. Основное препятствие к объединению общин, противостоящих друг другу, заключалось в том, что при таком объединении пришлось бы ввести в аппарат управления римской общины неаристократический элемент. Создалось положение, при котором плебейская община, будучи сильной в экономическом и военном отношениях, была в то же время неполноправной в политическом отношении, поэтому плебс борется за землю и власть. На этом длинном и трудном пути к осуществлению равноправия с членами *patricii* плебен испробовали два метода: мирный и военный. Сочетание их принесло в конечном счете полную победу плебеям. Вопреки некогда ходячему представлению, плебен вовсе не были бедняками. Слово «плебс» стало синонимом слова «беднота» значительно позднее, чтобы плебен появились на Авентине лишь после принятия упомянутого закона, который мог закрепить уже сложившийся порядок вещей. Не следует забывать, что почти на всем протяжении периода республики Авентин отличался от других холмов каким-то особым «правильным режимом». Так, в городскую черту он вошел только в I веке. Если же Авентин был покрыт лесом (Швиглер), то и это обстоятельство не противоречит указанию традиции об Авентине как центре плебейства. Земледелие было исконным занятием членов римской общины.

нее, в совершенно иную историческую эпоху, когда плебейская община давным давно прекратила свое существование. И в плебейской общине шло расслоение, и в ее составе были богатые и бедные. Имущественная дифференциация в среде плебса шла гораздо быстрее, чем в римской общине, где этот процесс тормозился древними родовыми связями и общинным владением землей. Верхушка плебса предпочитала мирный метод осуществления своих прав. Отсюда и ведет свое начало институт клиентства, когда тот или иной плебей в целях беспрепятственного осуществления торговых сделок искал защиты и покровительства у того или иного патриция. Следовательно, клиентела вырастает, как способ известного обхода старых родовых уз, как способ некоторого их ослабления; она вырастает на почве принятия чужеземца в деловой оборот. Далеко не все плебен становились в отношении клиентства, но лишь отдельные, самые богатые, плебен становились клиентами. Такой плебей, становившийся клиентом, был почти самостоятелен. То же самое можно сказать и о плебейской общине в целом, члены которой были далеко не короткими овечками. Несмотря на появление института клиентства, плебейская община, как таковая, оставалась неприкосновенной. Родовой строй римлян также в очень малой степени был затронут клиентелой, для его окончательного падения понадобилась революция Сервия Туллия.

Вышеприведенное соображение о плебейской общине можно было бы подкрепить следующими аргументами: решающим доказательством, с нашей точки зрения, является не подлежащий никакому сомнению факт заключения договоров *patricii* с плебсом, и притом самых крепких договоров с участием фециалов. Фециалы же всегда участвовали в заключении международных договоров¹. Давно было замечено, что еще при первой сессии 494 года плебс выступал как иностранная община, который заключил с патрициями *foedus* с соблюдением всех норм фециального права.

Далее, в источниках есть указание, что *tribuni plebis*, учрежденные будто бы в 494 году, были военными вождями плебса в момент его первого отшествия на священную гору. Позже плебейские трибуны утратили функции военачальников и стали защищать интересы плебеев мирным путем (право *velo*).

Небезынтересно отметить, что тот же Моммзен, чью концепцию мы критиковали выше, в одном месте своего «Римского государственного права» совершенно неожиданно, в противоречии с самим собой, пишет, говоря о компетенции эдиллов: «Во всяком случае, должность эдиллов относится к той эпохе, когда плебейская община стояла независимо рядом

¹ А. Мишулин, Объявление войны и заключение мира у древних римлян (Исторический журнал, № 10—11, 1944, стр. 103—113).

Таким образом, факт возникновения XII таблиц в V веке, несмотря на некоторые противоречия в римской традиции, не может вызывать никакого сомнения. К чести наших русских и особенно советских романистов следует отметить, что они крайне настороженно и критически отнеслись к «школе» Паиса. Укажем в данной связи на русских ученых В. М. Хвостова¹, И. А. Покровского², советских ученых С. А. Жебелева³, И. С. Перетерского⁴, Н. А. Машкина⁵, В. Н. Дьякова⁶ и др.

Такие иностранные ученые, как Паис, Дельбрюк⁷ и другие, считают, что реформа является отражением, проекцией в глубокую древность события, происшедшего в III или даже во II веке.

Итальянский ученый Фраккаро, выступивший в 1931 г. на Втором национальном конгрессе по римской истории с докладом «История древнего римского войска и образование центурий», доказывал, что система Сервия была предназначена для того, чтобы скомплектовать два легиона по 6.000 человек в каждом.

Другой автор утверждал, что хотя реформа действительно имела в виду прежде всего обеспечить кадры рекрутов, но не двух легионов, а четырех — по 4.200 человек в каждом, и он относил дату этой реформы ко второй Пунической войне.

Третий автор (Кавеньяк), опубликовавший работу о римском цензе в III—II вв. до нашей эры, считает, что реформа относится к 179 г. до н/э.

Таким образом, итог всех этих изысканий сводится к тому, что пределы, которыми надлежит датировать Сервиену реформу, определяются с 220 по 179 год до нашей эры.

Полагают, что, во всяком случае, она не может быть отнесена ранее, чем к 241 г. Все эти авторы, сторонники так называемого «критического направления» в римской историографии, в основание своих рассуждений кладут арифметические подсчеты и стараются доказать, что в VI веке Рим не мог располагать таким количеством вооруженных сил, какие

¹ В. М. Хвостов, Новый труд по критике римской традиции. Ученые записки Моск. ун-та, М., 1902, вып. 20, по юрид. ф-ту, стр. 18 сл.

² И. А. Покровский, История римского права, Петроград, 1915, стр. 117.

³ С. А. Жебелев, Древний Рим. Часть I. Царская и республиканская эпохи, Петроград, 1922, стр. 95.

⁴ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, М., 1945, стр. 57.

⁵ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 45—46.

⁶ В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху. (Ученые записки Моск. Госуд. педагогич. ин-та им. В. И. Ленина, т. XLVI, М., 1947, стр. 29).

⁷ Г. Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, т. I, М., 1906, стр. 222—223.

предполагаются по данным римской традиции. Вряд ли есть необходимость серьезно защищать мнение о том, что первый класс выставлял именно 80 центурий и имел такое-то количество воинов. Дело, конечно, не в самих цифрах, которые могли быть иными.

Однако мы решительно настаиваем на том, что сводить значение реформы Сервия Туллия к чисто военному преобразованию нельзя. Энгельс показал¹, что реформа Сервия Туллия шла значительно дальше, имела более глубокий смысл, чем это себе представляют упомянутые иностранные исследователи. Это была революция, направленная против того общественного уклада, который создался при первобытно-общинном строе. Это было наступление на родовую собственность, являвшуюся теперь слишком узкой базой для развивающихся производительных сил. Нужна была другая общественная организация. И Сервий Туллий пошел по тому же самому пути, по которому пошел Солон. Согласно Энгельсу, конституция, приписываемая Сервию Туллию, опиралась на греческие образцы, особенно на Солона².

Можно скептически относиться к рассказам о Солоне и его реформе, но даже самый завзятый модернист, наверное, не будет утверждать, что реформа Солона произошла во втором веке до н/э.

Отмечая крайне поразительное сходство между Солоническими и Сервиенскими преобразованиями (имущественный ценз, деление населения на разряды), мы можем допустить, что против нашей точки зрения мыслимо и такое возражение: а не является ли реформа Сервия Туллия отражением рассказов о Солоне, легендой, навеянной Грецией? С. И. Ковалев, например, пишет: «Наконец, очень подозрительно общее сходство реформы Сервия Туллия с реформами Солона и Клисфена: возникает вопрос, не сконструирована ли римская реформа анналистами под влиянием греческой историографии?»³. Основанием к постановке такого вопроса может служить и то обстоятельство, что многие стороны преобразования Солона остаются невыясненными по недостатку источников.

Греческое влияние на историю римских учреждений, конечно, представляется бесспорным. Гракхи, например, в своем законодательстве многое позаимствовали из Греции. Однако на это возражение не так трудно ответить.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 145—148.

² Там же, стр. 147. В данном случае нельзя согласиться с В. Н. Дьяковым, который пишет: «Напрасно только эту реформу рассматривают, как некое подобие дела Солона в Афинах...» (История римского народа в античную эпоху, М., 1947, стр. 63).

³ С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 59.

Все-таки размышления о Солона — это явление более позднее. Если теперь допустить, что предание о реформе Сервия Туллия легендарно и что римские историки «списали» образцы у греков, то возникает вопрос: у кого они могли списать? Реформа Солона была ведь в начале VI века! И трудно предположить, чтобы римские анналисты были знакомы с Элегиями Солона или даже с Афинской Политией Аристотеля. Плутарх же, как известно, жил в период империи.

С другой стороны, Паис и Дельбрюк забывают о пережитках древности, которые нам сохранила традиция относительно реформы Сервия Туллия.

Возьмем пять сервиановских классов. Ряд исследователей видит отражение этого «пятиклассового» деления в обряде Манципации¹. Цифры здесь совпадают, и, конечно, совпадение это не есть дело случая. Манципация родилась, несомненно, в ту эпоху, когда еще не было чеканной монеты. Именно в это время нужны были представители пяти классов для санкционирования отчуждения таких основных видов собственности, как земля, рабы, рабочий скот.

Допустим, далее, что реформа Сервия Туллия относится не ко второй, а даже к первой Пунической войне. Если верить модернистам вроде Паиса и Дельбрюка и пойти за ними, то совершенно законно возникнет вопрос: как же Рим, завоевавший в ту эпоху почти всю Италию и подходивший в своей экспансии на Юг к Сицилии, мог добиться этого? Как он мог, в частности, справиться с той же Этрурией при столь несовершенной военной организации? Мы должны сказать, что либо до III века римское войско поконит на племенной трибе, или же утверждать, что в этот период в основе бытия римской общины лежало не племя, а территориальный округ. Поставим этот вопрос в несколько иной плоскости: в III веке римское ополчение собиралось по племенам или по территориальным округам?

Утверждать первое — значит допускать, что римская община находилась тогда еще в героическом периоде своего существования. Сервианова реформа заключалась на самом деле в том, что она знаменовала собой введение в военных целях территориального округа, как военной единицы или военной организации.

¹ О содержании этого обряда см. И. И. Яковкина, XII таблиц, в «Хрестоматии по древней истории», под ред. В. В. Струве, т. II, М., 1936, стр. 27, прим. 2. Отметим в данной связи, что перевод XII таблиц, осуществленный покойным проф. И. И. Яковкиным, крупным советским историком государства и права, является самым лучшим из существующих на русском языке. Высокие достоинства перевода и комментария И. И. Яковкина были отмечены в свое время И. С. Перетерским и В. Н. Дья-

В теории Дельбрюка и других мы не видим борьбы плебса с общиной римского народа, как главной движущей силы римской истории ранне-республиканского периода. Эта борьба смазана. По Дельбрюку получается, что римский народ, как феникс из пепла, вырос и завоевал всю Италию. Мы опять спросим — при какой организации? Рамны, Тиция и Луцеры? Но они были слишком мелки для таких завоеваний!

Только Сервианова реформа, означавшая вовлечение целого народа — плебейской общины — в римскую общину, означавшая объединение этих общин, могла создать необходимые предпосылки для превращения римской общины в могущественную военную организацию, которой со временем станет подвластной вся Италия, а затем и весь тогдашний цивилизованный мир Средиземно-морского бассейна.

Таким образом, центуриатные комиции существовали еще задолго до II века до н.э.

Спрашивается, как же при таких условиях нововведение Сервия Туллия узаконяло этот центуриатный строй или вводило его в Риме?

Легко может быть допустимо, что этот центуриатный строй во втором веке подвергся большим изменениям, но основа его была заложена в ту эпоху, когда происходило объединение двух совершенно различных общин.

Итак, проблема хронологической относимости реформы Сервия Туллия неизбежно возникает не только перед историками римского права, но и перед романистами вообще.

К сожалению, такие советские историки, как С. И. Ковалев, В. Н. Дьяков и др., даже не ставят в своих трудах вопроса о датировке реформы. Н. А. Машкин ограничивается лишь тем, что констатирует: «Вопрос о достоверности Сервиановой реформы решался в историографии различно. Многие ученые (Паис, Белох и др.) считают, что деление граждан на классы произошло не ранее, чем в конце IV или даже в начале III в., ибо первая чеканка ассов появляется только в IV в.»¹ Ясно, что интересы борьбы с суперкритицизмом Паиса и его последователей требуют от наших советских авторов более пристального внимания к вышеописанной проблеме.

Обратимся к рассмотрению отдельных военных магистратур.

1. Диктатор (magister populi)².

Повествуя о насыщенных драматизмом событиях периода реформаторской деятельности братьев Гракхов, Аппиан заме-

¹ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 96.

² Varro, de l. l. V—82; Cic. de r. p. I—40, 63; «in nostris libris videtur cum magistrum populi appellari». Встречается и термин «praetor maximus»

ает: «Меня удивляет следующее обстоятельство: столько раз в подобных же опасных случаях сенат спасал положение дела предоставлением одному лицу диктаторских полномочий, тогда же никому и в голову не пришло назначить диктатора; большинство ни тогда, ни позже даже не вспомнило об этом испытанном средстве, оказавшемся очень полезным в прежние времена»¹.

Толкуя вышеприведенное свидетельство Аппиана, Р. Ю. Виппер писал: «Для нас, собственно говоря, не существует факта забывчивости сената. Ведь мы не разделяем того взгляда римского историка, в силу которого диктатура и в древности была средством социального усмирения. Мы думаем, что сама идея эта родилась из сулланской расправы с демократами; старинная же диктатура была, вероятно, только чрезвычайной военной властью»².

Между тем, представление о том, что диктатура зачастую, а то и в большинстве случаев вызывалась к жизни чисто внутренними обстоятельствами, борьбой внутри римского государства, было очень устойчивым не только у Аппиана, но и у других античных писателей. Современная литература вопроса единодушна в том мнении, что к избранию диктатора в Риме прибегали только при исключительных обстоятельствах, когда государству угрожала серьезная опасность извне или изнутри³. Это мнение опирается, между прочим, на свидетельство Ливия: «discordiae intestinae, bellum externum fecere, ut hoc magistratu egeret res publica»⁴. Когда многочисленные исследователи говорят о том, что к диктатуре прибегали ввиду тяжелой войны (rei gerundae causa) или в период внутренних смут (seditionis sedantiae causa), то при этом обычно принимают во внимание и сравнительно более позднее определение источников. Например, согласно имп. Клавдию диктатура могла быть объявленной «in asperioribus

Liv. VII—3. Но этот термин означает только, что в данном случае речь идет о лице, которому принадлежит maximum imperium. Следовательно, это не есть должностной титул. Как указывает И. В. Петушил, этот термин имеет относительное значение и в данном случае есть лишь простое epitheton ornans.

¹ Аппиан. Гражданские войны (1—16). Перевод с греческого под ред. С. А. Жебелова, Ленинград, 1935, стр. 25.

² Р. Ю. Виппер, Очерки истории Римской империи, 1923, стр. 60.

³ Н. А. Машкин в своей «Истории древнего Рима», М., 1947, стр. 123, указывает: «Назначение диктатора происходило в случае чрезвычайных обстоятельств (войны, внутренние волнения и т. д.)». См. также В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, часть I, М., 1938, стр. 51. В. М. Хвостов, «История римского права», М., 1919, стр. 52.

С. И. Ковалева, «История Рима», Л., 1948, стр. 82: «К ней (диктатуре) прибегали только в исключительных случаях, когда государству грозила крайняя опасность от внешнего врага или внутренних беспорядков».

⁴ Liv. II—31.

bellis aut in civili motu difficiliores». Учитывается также свидетельство Цицерона о том, что диктатура была «ultimum auxilium quando duellum gravis discordiaeve civium escunt»¹.

Интересную мысль высказал, между прочим, И. С. Перетерский, полагающий, что «первый случай назначения диктатора в V столетии был вызван, вероятно, заговором в Риме или восстанием плебеев»². Ценность предположения этого автора не вызывает сомнений, хотя, по нашему мнению, он относит возникновение диктатуры к слишком поздним временам. Несмотря на то, что историческое происхождение диктатуры крайне трудно поддается выяснению, мы постараемся все же высказать на сей счет некоторые соображения.

Источники не дают точных сведений относительно того, когда именно и в связи с какими конкретными обстоятельствами была введена диктатура. Указания Ливия по этому поводу неопределенны: «nec quo anno, nec quis primum dictator creatus sit, satis constat»³. В другом месте у него значится: «Власти диктатора, даже самого термина этого раньше не было, это зародилось у наших отцов»⁴.

Ссылаясь на данные, почерпнутые у древнейших писателей, Ливий называет первым диктатором Тита Ларция. Он называет также и первого начальника конницы⁵. Согласно Цицерону, впервые должность диктатора возникла около десяти лет спустя после учреждения республики: «decem fere annos post primos consules»⁶. Такие иностранные буржуазные исследователи, как Ланге⁷, Карлова⁸, Виллемс⁹ и другие, сходятся в том, что диктатура была учреждена вскоре после изгнания царей, т. е. она относится к началу республики. Некоторые исследователи для решения вопроса обращаются к анализу законов об апелляции. Как известно, первый (Lex Valeria Poplic.) датируется 509 годом, второй (Lex Valeria Horatia)—449 годом и третий (Lex Valeria)—300 годом¹⁰.

Если верно то, что первым законом ограничивались консулы, то, естественно, возникает вопрос: чью же власть огра-

¹ Cic. de leg. III—3, 9.

² И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, ч. I-я, вып. 1-й, Древний Рим, М., 1945, стр. 28.

³ Liv. II—18.

⁴ Liv. IV—4.

⁵ Liv. II—18.

⁶ Cic. Rep. II—32, 56.

⁷ Lange, Röm. Altertümer, I, 583.

⁸ Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, т. I, стр. 211.

⁹ Willemms, Le sénat, II, стр. 240.

¹⁰ В. М. Хвостов, История римского права, М., 1919, стр. 30 прим. 23.

ках и в Греции, имел место процесс ограничения власти царей со стороны сильных аристократических родов. По господствующему мнению, царская власть в Риме была ликвидирована в 509 году, но трудно думать, чтобы республика появилась в Риме «*deus ex machina*». Власть римских режиссов подверглась, вероятно, значительным ограничениям еще задолго до установления республики. Предположение о постепенном ограничении и исчезновении царской власти в Риме было высказано в свое время некоторыми романистами. С. И. Ковалев возражает против этого, указывая: «Эта концепция противоречит всей античной традиции, которая нередко единодушна в вопросе о насильственном падении военной демократии в Риме. Многие исследователи правильно указывали, что ненависть к царской власти («тиранин»), дожившая до конца республики, говорит как раз в пользу революционного свержения власти последнего царя»¹. Не касаясь здесь вопроса о том, насколько точным будет отождествлять насильственное удаление царей с «падением военной демократии», отметим одну из величайших трудностей, возникающих при рассмотрении данной проблемы. Остается неясным, каково происхождение династии Тарквиниев, т. е. были ли они этрусскими царями или «местными», т. е. латинскими². В последнем случае факт изгнания царей кажется маловероятным, а гипотеза постепенного ограничения их власти наиболее правдоподобной.

Если даже мы вслед за И. В. Нетушилом³, Н. А. Машкиным⁴ и В. Н. Дьяковым⁵ признаем в качестве достоверного события этрусское владычество в Риме, то и в этом случае, говоря словами И. В. Нетушилы, «Переворот, создавший республику, состоял не в уничтожении царской власти, а только в изгнании Тарквиниев»⁶. «Рядом с магистратурой, — пишет И. В. Нетушил, — в республике попрежнему существовал сам царь, оставшегося в этом звании пожизненно. При этом имеется много данных, свидетельствующих о том, что в первые времена республики власть царя не была такой ничтожной, как впоследствии, когда она свелась на одно богослужебное дело (*rex sacrorum*). Однако факт подчинения царя верховному понтифику указывает на умышленное обезвреживание царского достоинства»⁷. Следовательно, сам по себе факт

¹ С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 65.

² Подробное изложение этой проблемы дано в труде С. И. Ковалева, стр. 61—65.

³ И. В. Нетушил, Обзор римской истории, Харьков, 1912, стр. 21—28.

⁴ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 76, 94.

⁵ В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, М., 1947, стр. 61—63, 65—67.

⁶ И. В. Нетушил, Обзор римской истории, Харьков, 1912, стр. 50.

⁷ Там же, стр. 51 сл.

изгнания Тарквиния Гордого вовсе не исключает того, что переход от «монархического» образа правления к республиканскому мог совершиться постепенно. Если Тарквиний был изгнан туземной аристократией (латинским патрициатом), то для этого должны были быть соответствующие предпосылки, а именно: слабость царской власти, вызванная постепенным ее ограничением. Ограничение могло коснуться в первую очередь военных функций царей. По всей вероятности, можно провести параллель между Афинским полемархом и римским диктатором. В доказательство этой мысли сошлемся на следующие данные.

Аристотель в «Афинской Политии» рассказывает, каким образом в Афинах ограничивалась царская власть: «Важнейшими и первыми по времени из должностей были царь, полемарх и архонт. Из них первую была должность царя, она была унаследованной от отцов. Второй присоединилась к ней должность полемарха, ввиду того, что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми»¹.

В. Бузескул подробно описывает, как происходило ослабление царской власти в Афинах: «...выделяются новые должности и происходит, так сказать, дифференциация и дробление некогда единой власти; обязанности, исполнявшиеся прежде одним лицом, монархом, бывшим вместе правителем, военачальником, судьей и жрецом, исполняются тремя, а впоследствии к трем сановникам присоединяются еще 6 фесмофетов»². Важно отметить, что должность полемарха, как командующего войском и вообще ведавшего делами, касавшимися военного управления, возникла раньше других должностей, в том числе и архонта-эпонима. Аристократии прежде всего надо было начать с отнятия у базилевса военных функций: «Вполне естественно, что ограничение царской власти началось именно в этой области. Исход того или другого военного предприятия в известной степени всегда зависит от личных качеств вождя. Цари же при наследственной царской власти иногда оказывались неспособными к ведению военных дел, и в силу необходимости приняты к ведению военных дел, и в силу необходимости приходилось передавать управление этих, первоначально царских функций особым военачальникам»³. Аристотель, в доказательство того, что должность полемарха возникла раньше прочих должностей, приводит следующее соображение: «А что эта должность (архонта-эпонима — Е. С.) установлена последней из высших должностей, доказательством служит и то, что архонт не распоряжается никаким из дел, унаследован-

¹ Аристотель, Афинская Полития, II, 3. Пер. С. И. Радига, М., 1936, стр. 30.

² В. Бузескул, История Афинской демократии, СПб., 1909, стр. 34.

³ М. Хвостов, История Греции, М., 1924, стр. 122.

ных от отцов, как царь и полемарх, а все только вновь заведенными¹. В. Бузескулом этот аргумент Аристотеля признается очень убедительным².

Итак, базилевс в VIII—VII вв. до н/э мало-помалу превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, который заведывал главным образом делами культа. Юридически власть базилевса не отменялась, но фактически она была сведена на нет. Базилевсов стали ограничивать и сроком правления. Первоначально их власть была пожизненной, затем их стали избирать — сначала на 10 лет и впоследствии только на год. Аналогичный процесс ограничения власти родоплеменных вождей мы видим и в других греческих полисах, например в Спарте и Мегарах. По словам Бузескула, «С падением власти базилевса и возвышением архонта (эпонима) мы можем до известной степени сопоставить ограничение царской власти в Спарте эфорами и их возвышение. У молоссов в Эпире власть царей ограничивали простаты; в Мегаре наряду с царями стояли стратеги, власть которых расширяется за счет царской»³.

В древнем Риме периода «царей» существовала военная демократия. Это был переходный период от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Ограниченность царской власти и стремление поставить царя в зависимость от наследственной знати (в Греции — эпатридов, в Риме — патрициев) является одной из особенностей военной демократии, хотя, конечно, и не главной. Нет никакого сомнения в том, что и в Риме царская власть ограничивалась патрициями тем же способом, что и в Афинах — эпатридами.

Затем, далеко не случайно наименование диктатора «*magister populi*». Это говорит о том, что вначале он командовал только войском римской общины (*populus Romanus*), в состав которой плебей, как известно, не входили. Во главе плебейской же общины, сильной своей численностью и вооружением, стоял, как это мы попытаемся показать в дальнейшем, особый военачальник — «*magister equitum*».

В литературе иногда высказывался тот взгляд, по которому диктатура представляла собой переходную форму от власти царей к республиканской магистратуре, а потому и является наиболее древним ее видом. По мнению В. Н. Дьякова⁴, с этим вряд ли можно согласиться, поскольку в V веке можно установить всего 13 диктаторов, тогда как в IV в.,

когда распыление древнего единоначалия становится все более ощутимым, их насчитывается 50. Нам кажется, что в данном случае цифры, приводимые В. Н. Дьяковым, не могут иметь решающего значения. Надо было бы обследовать, как-то была в каждом отдельном случае цель назначения диктатора. Ясно, что не следует принимать в расчет тех диктаторов IV века, которые назначались ради председательствования в комициях, или для производства религиозных игр, или для производства следствия по какому-нибудь делу. Соображения единоначалия тоже не могут, как нам кажется, признаваться определяющими, так как чем же объяснить в таком случае кризис диктатуры в конце III века и окончательный переход к системе консулата? Не следует упускать, что в связи с возросшим числом войн в IV веке нередко требовалось снять с поста командующего того или иного консула. При годичности магистратуры римское государственное право не знало иных способов заставить консулов-неудачников уступить верховное командование другим более способным лицам, кроме как путем назначения диктатора. Резервируя за собой право назначения в подходящий момент диктатора, тем самым сенат оказывал косвенное влияние на деятельность консулов. Таким образом, мы не должны упускать из виду и этого назначения диктатуры, как метода исправления ошибок консулов и военных трибунов с консульской властью.

Иностранные авторы (Иеринг, Карлова и др.) оказались неспособными дать правильное объяснение института диктатуры.

Так, Карлова писал, что, несмотря на ненависть к царской власти, римляне в период основания республики имели достаточно здравого политического смысла, чтобы признать недостаточным консульское войско для всех опасных ситуаций. Римляне поэтому и придерживались того мнения, что в подобные критические периоды надлежит заблаговременно отдавать неограниченную власть в руки одного человека¹.

В этом определении совершенно отсутствует историзм, оно идеалистично.

Апелляция к «здравому смыслу» римлян ровным счетом ничего не дает для уяснения сущности диктатуры.

По Ливию, на должность диктатора попадали только *consulares*, т. е. бывшие консулы². С этим положением безоговорочно соглашается Карлова. Однако более правильным представляется мнение нашего соотечественника И. В. Петушилы, указавшего, что лишь с течением времени стала отда-

¹ Аристотель, Афинская Политика, II, 3, 3 (стр. 30).
² В. Бузескул, История Афинской демократии, СПб., 1909, стр. 33.

³ Там же, стр. 34.
⁴ В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, М., 1947, стр. 95.

¹ Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, I, стр. 211.
² Liv. II—18;

вать предпочтение бывшим консулам¹. Признавая факт существования диктатуры в царский период, мы тем самым отводим вышеприведенный взгляд Карлова.

Следует подчеркнуть, что диктатура Суллы и Цезаря глубоко отличается от древнереспубликанской диктатуры. Между тем, в литературе, нередко даже новейшей, встречаются случаи отождествления диктатуры начального периода республики и конца ее. Так, в словаре имен и терминов, приложенном к переводу книги Аппиана и составленном М. Е. Сергеевко, значится: «Между 202 и 82 г.г. до н/э в Риме не было диктаторов; в этом году Сулла восстанавливал диктатуру в личных интересах»². И. С. Перетерский в своем труде по истории римского государства и права пишет: «...диктатура учреждалась неоднократно до 216 г. Потом она вышла из употребления (в связи с ростом власти сената). Но в конце республики (—1 ст.) в период обострения гражданской войны вновь имеют место случаи назначения диктатора, но уже в виде предоставления диктатору длительной или даже пожизненной власти (Суллы и Цезаря). Это был уже переход к империи»³. Следовательно, И. С. Перетерский не дал четкого разграничения между старой республиканской диктатурой и диктатурой первого века. Это обстоятельство не преминула отметить критика в лице А. Рановича и А. В. Мишулина: «Такая характеристика республиканской диктатуры совершенно не конкретна. Она смазывает различие между республиканской, хотя и чрезвычайной, магистратурой и военной диктатурой Суллы, Цезаря и последующих римских императоров»⁴. Различная юридическая природа древнереспубликанской диктатуры и диктатуры Суллы и Цезаря была выяснена в многочисленных работах как буржуазных⁵, так и советских⁶ романистов, но дело не в одних только юридических основаниях. Совершенно иная обстановка, иной характер классовых противоречий по сравнению с периодом первой половины республики не позволяют усматривать какой бы то ни было преемственности этих видов диктатуры, поэтому прав Н. А. Машкин, пишущий, что: «диктатура Суллы

походила на старинную лишь по названию»¹. По словам С. И. Ковалева, «диктатура Суллы по существу (да и по форме) отличалась от старой диктатуры»².

Бажно уяснить далее, почему продолжительность диктатуры ограничивалась шестимесячным сроком³. В источниках нет указаний о том, чтобы диктатор осуществлял свои полномочия далее этого срока⁴. Напротив, по общему правилу диктатор слезал с себя полномочия задолго до истечения шести месяцев⁵. Согласно И. В. Нетушилу, шестимесячный срок диктатуры коренится в условиях военного быта. Так как зимних походов, говорит он, вообще не полагалось, то и выходило, что функции диктатора, как военного магистрата, могли осуществляться лишь в пределах обычной летней кампании, что составляет круглым счетом полгода⁶.

Если же мы отнесем время появления диктатуры к царскому периоду, то тогда можно будет предложить следующее решение вопроса. Верхушка римской общины — патрициат — всегда опасалась единоличной власти. Неслучайно патриции сначала ограничили царскую власть, а затем и вовсе изгнали царей. Вспомним, что патриции расправлялись с отдельными наиболее видными и богатыми представителями плебса под предлогом пресечения попыток достичь царской власти⁷. Той же боязнью единоличной власти следует объяснить причину ограничения диктатуры шестимесячным сроком. Отсюда и «целевой» характер данной военной магистратуры, т. е. диктатор назначался не вообще, а ради строго определенной цели, по достижении которой он должен был немедленно сложить с себя власть.

В литературе иногда высказывалось мнение, по которому в период действия диктатуры все остальные магистраты прекращали свои функции. Согласно Виллемсу, «во время диктатуры власть других магистратов приостанавливается»⁸.

¹ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 245.

² С. И. Ковалев, История Рима, Ленинград, 1948, стр. 412.

³ «Ne amplius sex menses», Cic. de leg. III—3, 9.

⁴ Liv. III—19, IX—34; XXIII—22; Dionys. V—70; L 212 D.12.

⁵ Liv. VI—29; III—29; XXIII—23.

⁶ И. В. Нетушила, Очерк римских государственных древностей, Харьков, 1894, стр. 159.

⁷ Согласно традиции (Liv. II—20), в 493 году богатый плебей Спурий Мелий, продававший во время голода хлеб по низкой цене и даже раздававший его даром, был убит по подозрению захватить царскую власть. В 384 году аналогичная история произошла с другим «защитником плебса» (patronus plebis), Марком Манлием Капитолийским (Liv. VI—11, 18—20; Diod. XV—35, 3). Подробно об этом см. И. В. Нетушила, История римского народа в античную эпоху, стр. 120—121. О достоверности традиции по данному вопросу см. И. В. Нетушила, Обзор римской истории, Харьков, 1916, стр. 62—63; Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 116.

⁸ P. Willems, Le sénat de la république Romaine, II, Louvain—Berlin, 1883, p. 240.

¹ И. В. Нетушила, Очерк римских государственных древностей, I, Харьков, 1894, стр. 162.

² М. Е. Сергеевко, Словарь имен и терминов, в книге: «Аппиан. Гражданские войны», Л., 1935, стр. 346.

³ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, вып. II, Древний Рим, М., 1945, стр. 28.

⁴ А. Ранович и А. В. Мишулина, рецензия в ВДИ, 1946, № 3, стр. 125.

⁵ Виллемс П., Римское государственное право, перев. с франц. под ред. Бодвисского, вып. I—II, Киев, 1888—1890.

⁶ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 245; С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 412, 465 сл.

И. А. Покровский утверждал, что с появлением диктатуры «все обычные магистратуры замирают»¹ и что «с появлением диктатора прекращалась деятельность всех нормальных магистратов»². Правда, упомянутый автор затем несколько смягчает свое утверждение, указывая, что при диктаторах *imminuto iure*, как не обладавших *summum imperium*, все остальные магистраты продолжали действовать попрежнему³. Советский автор П. Н. Галанза в своем учебнике по истории государства и права пишет: «С появлением диктатора деятельность всех ординарных магистратур прекращалась на 6 месяцев»⁴. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения П. Н. Галанза. По всей вероятности, он опирается в данном случае на свидетельство Полибия, который говорит: «диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть»⁵.

Возможно, что мнение Виллемса, Покровского и Галанза основывается и на том факте, что при назначении диктатора «*rei gerundae causa*», когда производился набор войска, все суды объявлялись закрытыми. Конечно, магистраты, творившие гражданский суд, оставались вследствие набора не у дел. Однако прочие магистраты продолжали действовать. Правильным поэтому будет полагать, что деятельность прочих магистратов в период диктатуры не прекращалась, но все они, включая и консулов, становились под контроль диктатора.

Консулы продолжали руководить войсками, но верховное командование принадлежало диктатору. У Ливия⁶ есть ряд мест, из которых видно, что консул получал приказание от диктатора отправиться во главе легиона в такой-то пункт для проведения военных операций. Прочие магистраты не могли «замирать» хотя бы потому, что диктатор не был бы в состоянии охватить весь круг дел по управлению как в сфере военной, так и в сфере мирной жизни. Правильно решен данный вопрос И. В. Нетушилом⁷, согласно которому при диктаторе оставались все прочие должностные лица, не ис-

ключая и консулов, продолжавших обычную свою деятельность в пределах своей компетенции, с изъятием только того дела, которое было поручено диктатору. По мнению И. В. Нетушила, магистраты, оставаясь при своих должностях, сохраняли также и обычные знаки отличия, в том числе и дикторов.

2. Начальник конницы.

Если мы обратимся к изучению компетенции такого военного начальника, как помощник диктатора (*magister equitum*), то здесь придется констатировать следующее. Обычно многочисленные романисты проходят мимо этой фигуры, ограничиваясь лаконичным указанием насчет того, что диктатор сам назначает себе помощника, который называется начальником конницы¹. Между тем, почти ни один из исследователей не ставил вопроса о том, к какой же социальной группировке принадлежал начальник конницы². Не ставя этого вопроса и такие видные советские авторы, как И. С. Перетерский, В. Н. Дьяков, С. И. Ковалев и Н. А. Машкин. Общераспространенным является мнение, восходящее еще ко временам Нибура, согласно которому институт римского всадничества есть чисто патрицианский. Всадников (*equites*), обычно причисляемых по конституции Сервия Туллия к первому классу, безоговорочно отождествляли с патрицианской знатью. Легко понять поэтому, что в основе подобного взгляда лежит представление о плебеях, как о бедняках, как о приниженном и обездоленном сословии, против чего мы решительно возражаем.

Полагают, что начальник конницы, по крайней мере в древнейшие времена, принадлежал к той же общественной группе, что и диктатор, т. е. к патрициям. Это мнение к тому же находит как будто опору и в источниках. Так, из одного свидетельства Ливия³ можно заключить, что впервые должность начальника конницы была замещена представителем плебса лишь в 368 году. Моммзен⁴ отмечает, что эта должность стала доступной плебеям еще до законов Лициния. С другой стороны, общепринятым является воззрение, по которому назначение начальника конницы предоставлялось своему назначению усмотрению диктатора. При этом обращалось внимание на техническую терминологию, которой обозначалось избрание *magister equitum*. Чаще всего встречается выраже-

¹ И. А. Покровский, История римского права, II, 1915, стр. 99.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 106.

⁴ П. Галанза, Всеобщая история государства и права, М., РИО ВЮА, 1940, стр. 119.

⁵ Polyb. III—87.

⁶ Liv. XXII—11; см. также Liv. II—30, III—28, 29, IV—27; VII—11; И. В. Нетушилом, Очерк римских государственных древностей, I, 1894, Харьков, стр. 160.

⁷ И. В. Нетушилом, Очерк римских государственных древностей, I, стр. 160.

¹ В. М. Хаостов, История римского права, М., 1919, стр. 52.

² Не рассматривая этой проблемы и Em. Belot, автор двухтомного труда Histoire des Chevaliers romains, I—II, 1869, 1873.

³ Liv. VI—39.

⁴ Th. Mommsen, Römisches Staatsrecht, II, I, Lpz., 1874, стр. 150.

ние «dicere»¹, «legere»², «adicere»³, «creare»⁴, «addere»⁵, «dare»⁶. Моммзен даже особо оговаривает тот случай, когда у Ливия встречается термин «соорfare»⁷. Уже сама по себе невыработанность терминологии должна была бы обратить на себя внимание историков права.

Наличие некоторых, пусть даже самых скудных, данных позволяет, как нам кажется, высказать в качестве гипотезы такую мысль: не был ли начальник конницы в отдаленном прошлом, еще на заре существования института древне-римской диктатуры, представителем не римской, а плебейской общины? Поскольку мы считаем, что этрусский элемент имел громадное значение в истории римского плебса и что плебейская община была проводником этрусского влияния на римские учреждения, для нас представляют особую важность те выводы, к которым пришел в своем небольшом по объему, но блестящем исследовании русский романист прошлого столетия Д. Л. Крюков. Крюков во многих моментах римской истории предвосхитил выводы последующих западноевропейских романистов, и его построения должны быть признаны солидным вкладом в специальную романистическую литературу.

Работа Д. Л. Крюкова «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении»⁸, написанная около ста лет назад, не утратила своего значения и до последнего времени, что видно из постоянных ссылок на нее в трудах русских⁹ и советских¹⁰ ученых. Крюков возражал против возможности отождествления древне-римских всадников с патрициями (квиритами). Основываясь на различиях религиозного характера, существовавших между римскими всадниками и патрициями, Крюков делает вывод, что римская конница носит на себе следы этрусского происхождения. Он обращает внимание на то место из Ливия, в котором прямо говорится, что лошадь была завезена из

¹ Liv. III—27; IV—21; VI—39; VII—19; IX—38, и т. д.

² Liv. X—3.

³ Liv. VII—21.

⁴ Liv. IV—46.

⁵ Liv. VII—12.

⁶ Liv. VII—28.

⁷ Th. Mommsen, *Römische Staatsrecht*, II, 1 Lpz, 1874, стр. 157, прим. 9.

⁸ *Процедур*, IV, М., 1854, стр. 1—80.

⁹ И. В. Петушил, *Обзор римской истории*, Харьков, 1916, стр. 12, прим. 2: «На религиозную роль римских сословий первый обратил внимание московский профессор Крюков». См. также А. Малевич «Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке» (прим. к книге Б. Нисе. *Очерк римской истории и источниковедения*, СПб, 1908, стр. XIX).

¹⁰ Н. А. Машкин, *История древнего Рима*, М., 1947, стр. 92; С. И. Коллелла, *История Рима*, Л., 1948, стр. 751.

Этрурии: «...Equi pugilesque, ex Etruria maxime acciti»¹. По словам Крюкова, «только этрусское происхождение всадников может объяснить, каким образом всадники могли с самого начала находиться в тесной связи с этрусскими играми в Риме». Крюков доказывал, что в раннюю эпоху в Риме было чрезвычайно мало лошадей, и потому даже при играх употреблялись другие животные. Есть свидетельства, что в древние времена патриции употребляли колесницы, запряженные не лошадьми, а мулами.

В данной связи становится понятным, почему диктатор не имел права без соответствующей санкции сената или народного собрания садиться верхом на лошадь и ездить на ней на войне². Такое разрешение должен был просить всякий вновь назначенный диктатор³. Следовательно, «только вывоз лошадей из Этрурии, — продолжает Крюков, — объясняет нам, отчего квириты смотрели на лошадь, как на проклятое животное, и отчего не только квиритский жрец не смел употреблять ее, но даже диктатор патрицианский получал особым законом позволение сесть на лошадь». Крюков в отличие от некоторых западноевропейских авторов, писавших значительно позже его⁴, положительно решает, между прочим, и вопрос о *tribunus celerum*. В отдаленнейшую эпоху конница имела своего собственного предводителя, которого источники называют *tribunus celerum*. Крюков видит в начальнике конницы преемника власти *tribunus celerum*. «Нечего, следовательно, удивляться, что впоследствии, когда патрицианский *populus* вручил чрезвычайную власть в руки диктатору (*magister populi*, как его называли), то всадники — *equites* были подчинены особенному предводителю, *magister equitum*, которого прямо называют наследником трибуна *celerum*».

Крюков подчеркивает то обстоятельство, что согласно преданию, этрусок *Celer* был также *Tribunus celerum*. Свои соображения Крюков подкрепляет ссылками на источники⁵.

Итак, можно считать твердо установленным, что конное войско не может считаться исконно римским учреждением.

Должность начальника конницы была доступной представителям плебса значительно раньше, нежели об этом говорит Ливий. Это доказывается отсутствием в традиции упоминаний о какой-либо борьбе «сословий» вокруг назначения на эту

¹ Liv. I—35.

² Liv. XXIII—14: «Dictator... rebus divinis perfectis, latoque ut solet, ad populum, ut equum ascendere liceret»; Plut. Fab. 4.

³ И. В. Петушил, *Очерк римских государственных учреждений*, I, Харьков, 1894, стр. 158.

⁴ См., например, статью Julian C. *Armée Romaine*, в *La grande encyclopédie*, т. XIII, p. 994 et suiv.

⁵ Varro, *De lingua latina* V—83; Cic. leg. III—4.

должность. Вряд ли это обстоятельство можно объяснить только тем, что *magister equitum* играл сравнительно малую роль в государственных делах, будучи лишь помощником диктатора и имея узкую и притом специальную задачу — командовать конницей¹. По свидетельству Ливия², «власть этого магистрата не выше власти военного трибуна», но фактически он являлся заместителем диктатора в тех местах, где по каким-либо причинам тот не мог лично присутствовать³.

Следовательно, нельзя недооценивать важности этой магистратуры, поскольку Полибий говорит: «Хотя начальник конницы находится в подчинении у полномочного вождя, однако он как бы заступает место этого последнего в случае отсутствия его»⁴. Согласно Плутарху⁵, начальник конницы в отсутствие диктатора вправе отдавать приказы даже консулам. Кроме того, диктатор мог давать начальнику конницы и невоенного характера поручения⁶. Общеизвестен факт активного участия одного из начальников конницы в подавлении плебейского возмущения⁷.

Таким образом, начальник конницы иногда стоял выше консула. Можно не включать начальника конницы в состав магистратов *sui imperio*, как это делают Карлова⁸ и В. М. Хвостов⁹, но никто, по всей вероятности, не будет оспаривать того обстоятельства, что если теоретически начальник конницы на театре военных действий и шагу не мог ступить без диктатора, то фактически он принимал иногда и очень ответственные решения самостоятельно¹⁰. Далее неясно, почему начальник конницы придавался диктатору даже в тех случаях, когда заведомо было известно, что никакой войны не будет, и диктатор избирался, скажем, для вбития гвоздя в стену храма по случаю моровой язвы? Мы думаем, что первоначально конница была только у плебейской общины. И так как отношения между плебейской общиной и общиной *patricius Romanus* строились в древнейший период на договорных началах, то юридическую природу должности *magister equitum* следует выводить из указанных договорных начал. Сначала должность начальника конницы была чисто плебейской и лишь впоследствии она стала одинаково доступной и

¹ Liv. III—27; «legiones ipse dictator, magister equitum suos equites ducit», ср. IX—22.

² Liv. VI—39.

³ Карлова, *цит. соч.*, I, стр. 217.

⁴ Polyb. III—87.

⁵ Plut. Ant. 8.

⁶ Liv. III—27; IV—27; VI—12, 29; XXII—11; XXX—24.

⁷ Liv. II—29.

⁸ O. Karlova, *Römische Rechtsgeschichte*, B. I, стр. 217.

⁹ В. М. Хвостов, *История римского права*, М., 1919, стр. 32, 52.

¹⁰ Liv. VIII—30.

патрициям и плебейам¹. Должность начальника конницы, как представителя плебейской части объединенного римско-плебейского войска, является отражением двухобщинного состава римского государства. С течением времени, когда процесс слияния двух общин сделал большие успехи, а затем это слияние стало совершившимся фактом, указанное юридическое основание было забыто, так как утратило всякий смысл. Да и состав конницы, естественно, к исходу первой половины республики не мог не измениться. Начальника конницы, однако, продолжали назначать по инерции даже в тех случаях, когда потребность в нем в сущности была мнимой. Необходимость назначения начальника конницы в случаях избрания диктатора не вызывала никаких сомнений у римского сената и народного собрания, так как это прочно утвердилось в сознании римских политических деятелей в качестве насущной конституционной потребности, в качестве веления, завещанного предками. Между тем, начальник конницы, бывший некогда предводителем плебейского элемента в римской армии, мало-помалу утратил это свое первоначальное назначение и превратился в технического исполнителя распоряжений диктатора, в простого кавалерийского офицера. Начальник конницы нередко игнорировал распоряжения диктатора, вступая с ним в открытую борьбу². Вчитываясь в свидетельства источников, мы чувствуем, что в фактах прямого неисполнения приказаний диктатора начальником конницы звучит слабое воспоминание о тех временах, когда начальник конницы был значительно менее зависим от диктатора и стоял с ним на равной ноге. К сожалению, эти свои соображения мы не можем подкрепить достаточным числом показаний источников. В пользу развиваемых здесь нами взглядов говорит и то, в частности, обстоятельство, отмеченное И. С. Перепетерским, что уже в позднейшее время образовался *ordo equester*. Происхождение этого наименования является загадочным, так как по традиционному изложению Сервиевой реформы всадники составляли «наивысший» разряд, а «ordo equester» стоял на втором месте (после «ordo senatorius»). И любопытно отметить, что, насколько нам известно, *ordo equester* состоял преимущественно из плебеев.

3. Консулы.

Многочисленные попытки этимологического анализа слова «consules» предпринимались в буржуазной литературе XIX века. Так, Моммзен переводил его «вместе скачущие и

¹ И. В. Нетушия, *Очерк римских государственных древностей*, I, Харьков, 1894, стр. 163.

² Liv. VIII—29, 31; XXII—12, 27, 40; Polyb. III—90.

танцующие»¹. Золту — «вместе заседающие»². Нибур — «вместе находящиеся»³. Герцог — «вместе идущие»⁴. Естественно, что даже самая изощренная филологическая критика не может в данном случае дать слишком много⁵. И если уж принимать во внимание дошедшие до нас толкования древних авторов, то самым приемлемым из них будет толкование греческих писателей. Греческие авторы, побывавшие в Риме, применяясь к своим понятиям, называли консулов «стратегами»⁶. Последнее значение, как нам кажется, стоит ближе всего к истине. Оно действительно раскрывает смысл и назначение консулата⁷. Сопоставление римских консулов с греческими стратегами позволяет сделать вывод, что консульская власть — это по преимуществу военная власть.

Поскольку основная задача консулов состоит в командовании войсками, то стремились выбирать на эту должность лиц, сведущих в военном деле⁸.

Годичность данной магистратуры приводила нередко к тому, что консулы, побуждаемые приближением консульских коммий, старались форсировать на войне события⁹, что имело в ряде случаев пагубные для римского войска последствия. Уже во время войны с Ганнибалом ощущалось неудобство института годичности консульской должности¹⁰.

Окончательный удар по системе консулата был нанесен войсками рабов под предводительством Спартака столетием позже. Как указывает В. И. Ленин, «В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную ар-

¹ Моммзен, История Рима, I, М., 1936, стр. 234, прим. 1.

² W. Soltau, Weber Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen, Berlin, 1880, s. 284, nr. 4.

³ Niebuhr, Römische Geschichte, I, стр. 546.

⁴ Herzog, Geschichte und System der röm. Staatsverfass. I, s. 688 Lpz., 1884.

⁵ Оригинальные соображения касательно термина «consules» высказал И. В. Нетушица. См. его статью «семантологические заметки» в Филологическом обозрении, т. IV, 2, стр. 148.

⁶ Polyb. I—52; VI—14 называет консулов strategos ipatos, что, согласно проф. И. В. Нетушице, буквально — praefor maximus (Очерк римских государственных древностей). В другом случае (Polyb. I—11, 24) говорится о «strategos».

⁷ Компетенция стратегов изложена проф. С. Ф. Кечекьяном, см. его книгу «Всеобщая история государства и права», ч. 1-я, Древний мир, вып. 1, Древний восток и древняя Греция, М., 1944, стр. 169 и 173. См. также В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, ч. 1-я, СПб., 1897, стр. 276—278.

⁸ Liv. X—9, 22; XXVII—33.

⁹ Polyb. III—70; Liv. XXI—53.

¹⁰ Liv. XXIV—8.

мию»¹. Войска, руководимые консулами 72 года, были разбиты рабами². Для победы над Спартаксом понадобилась единоличная диктаторская власть Марка Красса. Таким образом, институт консульства себя окончательно изжил в первом веке до н/э.

Как известно, первоначально консульская должность замещалась только членами общины *populus Romanus*. Плебеи вели энергичную и длительную борьбу за доступ к консульству, и в 367 г. они достигли своего. Согласно *Lex Licinia de consulatu* уже нельзя было выбирать консулов только из патрициев³, но один из них обязательно должен был быть из числа плебеев⁴.

Каковы были полномочия консулов на войне? Моммзен полагает, что говорить о компетенции консула не приходится, так как власть его была всеобъемлющей. «Верховная власть, — пишет Моммзен в своей «Римской истории», — была возложена не на обоих должностных лиц в совокупности: каждый из консулов имел ее и пользовался ею совершенно так же, как некогда царь»⁵. Говоря о праве консульской интерцессии, он замечает, что таковое «очевидно было вызвано желанием сохранить царскую власть во всей ее юридической полноте и потому не раздроблять царскую должность и не переносить ее с одного лица на коллегию, а просто удвоить число ее носителей, чтобы в случае нужды они уничтожили власть друг друга»⁶. В другом месте Моммзен прямо говорит, что консул действовал в пределах прежней царской компетенции⁷.

Изучая научное наследие Моммзена, как крупнейшего буржуазного романиста XIX века, мы ни на одну минуту не должны забывать, что его работы, в частности «Римское государственное право» и «История Рима», полны величайших ошибок⁸. Для него характерно очень глубокое знание источ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371.

² А. Мишулин, Революция рабов и падение римской республики, М., 1936, стр. 75.

³ Liv. XXVII—34: «quia buos patrios, creati non liceret».

⁴ Liv. VI—34: «ut consulum alter ex plebe crearetur».

⁵ Т. Моммзен, История Рима, I, М., 1936, стр. 234.

⁶ Там же, стр. 235.

⁷ Там же, стр. 236.

⁸ Образец правильного отношения к творчеству Моммзена дали Маркс и Энгельс. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 26.III 1858 г. сообщал, что он «снова нашел хороший материал в Римской истории Моммзена» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 234). Вместе с тем Маркс и Энгельс многократно отмечали буржуазную ограниченность, филистерство и грубые ошибки этого ученого. Маркс писал: «Г-н Моммзен в своей «Римской истории»... впадает в одно quid pro quo за другим», и далее: «О капитале в современном смысле он (Крессель-бах—Е. С.) не имеет никакого представления, как и г. Моммзен, который в своей римской истории говорит о «капитале» и о господстве капитала» (К. Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 160, прим. 39 и т. III).

ников, но его выводы неправильны, реакционны и для нас совершенно неприемлемы. Консерватизм и реакционность Моммзена особенно проявились в его понимании Цезаря, которого он трактует, как идеального государственного деятеля и воскресителя старинных «благородных нравов и традиций». Идеалом Моммзена в современной ему политической жизни являлся архиреакционер пруссак Бисмарк. Если же учесть, что Моммзен, этот «столп» буржуазной «культуры» XIX в., не гнушался перед прямыми призывами к славянским погромам¹, то станет ясным, что и в политическом отношении фигура этого ученого однозна.

Исходным для Моммзена является понимание Рима республиканской эпохи, как продолжения традиции мифических царей, облекаемых им в одежды монархов. Следовательно, по Моммзену выходит, что консулы являлись прямыми наследниками прежних царей. Именно к Моммзену, который древнее полумифическое царство рассматривал, как монархию, можно с полным основанием отнести высказывание Маркса о том, что «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилевса в монарха в современном смысле слова»².

Итак, в вопросах определения компетенции военных магистратов, в частности компетенции консулов, у Моммзена отсутствует исторический подход. Именно в этих вопросах и скажутся расхождения во взглядах между Моммзенем и советскими романистами, особенно же при освещении консульского *imperium militiae*.

Моммзен должен был бы резко выделить права сената в области руководства войной и в области организации вооруженных сил римского государства. Для Моммзена сенат есть маленькое учреждение, не играющее большой роли в жизни римской рабовладельческой республики. Для нас же

стр. 254 прим. 47). В другой работе Маркс иронически называет Моммзена «изобретателем князей». Рассматривая вопрос об управлении римской общиной в древнейшие времена, Маркс пишет: «Содет-то, г. Моммзен, управлял, а не высший военачальник, моммзеновский князь» (Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 168). Общеизвестна также критика положений Моммзена о римском роде, содержащаяся в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1947, стр. 140—144).

Подробный анализ научного наследия Моммзена читатель найдет в статье С. Ковалева «Теодор Моммзен и его история Рима», приложенной к переводу История Рима, М., 1936, стр. VII—XXVII.

¹ В 1897 г. Моммзен выступил с письмом по поводу обострения славянского вопроса в Австрии, в котором он заносчиво заявил: «если чешский череп и недоступен для логики, то он вполне доступен для удара».

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 120.

Рим есть аристократическая рабовладельческая республика, в которой, как говорили античные авторы, «сенат держал государство» — «*tenuit senatus rempublicam*»¹. Источники совершенно определенно говорят нам о том, что есть полномочия, которые даже таким высшим военным магистратом, как консул, полностью не осуществлялись. Ведь никому другому, как сенату, принадлежало право: а) набора войска, б) объявления войны, в) заключения мирных договоров.

А сверх того сенат контролировал консула даже во время войны, приставляя к нему специальное лицо — *quaestor'a*, осуществлявшего контроль за расходованием сумм, ассигнованных на нужды войны.

С другой стороны, как бы широко (вслед за Моммзенем) ни трактовать положение и власть консула, таковые все же были ограничены:

а) Годичностью данной магистратуры.

б) Ее коллегиальностью; всякий консул обладал *ius intercessionis* в отношении распоряжений своего коллеги.

в) Провокацией к народу. Согласно *Lex Valeria de provocacione*, датируемому первым годом республики, на приговоры консулов, вынесенные *intra pomerium*, можно было жаловаться в народное собрание: «*qui provocasset, virgis caedere securisque perire*»².

г) Учреждением новых магистратур, к которым постепенно переходили те или иные полномочия, осуществлявшиеся ранее консулами³.

Правомочия консула в военный период и на войне могут быть обозначены термином *imperium militiae*. На войне власть консула больше, чем дома. Согласно Полибию, консулы «имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов»⁴.

Как указывает проф. И. В. Нетушил, «Основное наследие консульской компетенции заключалось в начальствовании над войском для ведения войны»⁵.

Первейшее право и обязанность консула заключались в производстве набора римских граждан в войско⁶. Производство набора войска (*dilectus*) прочнее всего удержива-

¹ Cic. r. p. II—32, 56.

² Право провокации, естественно, не распространялось на рабов. По преступлениям, в которых были замешаны рабы, перетряпши и жеманщицы, следствие по решению сената нередко шло к консулам — Liv. VIII—18; XXIX—14.

³ В 494 году до н. э. были учреждены должности *tribuni plebis*, которые своим veto нередко парализовали деятельность консулов; в 443 году появилась цензура, а в 367 г. — претора.

⁴ Polyb. VI—12.

⁵ И. В. Нетушил, Очерк римских государственных древностей, I, 1894, стр. 143.

⁶ Polyb. VI—19; Liv. XXII—2, 38; XXIII—32; VII—19, 23, 25.

лось за консулами вплоть до Суллы. Консул осуществлял набор даже в том случае, если командование над войском поручалось другому лицу¹. Поскольку набор производился, по крайней мере до распространения прав римского гражданства на всю Италию, в самом городе Рима, постольку его можно было бы причислить к городской деятельности (*domi*), тем более, что в этом вопросе допускалась трибунская *intercessio*². Моммзен говорит, что право набора войска было предоставлено консулу без всякого контроля со стороны сената. С этим утверждением никак нельзя согласиться. Можно считать установленным, что для набора ополчения требовалась предварительная санкция сената. В Риме с давних пор постоянным ядром армии было четыре легиона. Так как консулов было два, то каждый из них при нормальных обстоятельствах командовал двумя легионами, составлявшими обычную армию консула. Можно допустить, что в лучшем случае консул самолично, без согласия сената, мог издать эдикт — «*edictum ad conveniendum edicere*»³ — о призыве на военную службу двух легионов, т. е. осуществить, как бы мы сказали теперь, «частичный призыв». Когда же нельзя было ограничиться призывом на войну двух легионов, то хотя набор ополчения и осуществлялся консулом, но только по прямому предписанию и разрешению сената. В отличие от Моммзена, совершенно правильную позицию в данном вопросе занимает И. В. Петушил, указывающий, что «Набор производился с ведома сената, прямое решение которого было необходимо по крайней мере при превышении нормы обычных консульских армий, по два легиона в каждой, равно как и по отношению к *tumultus*. Сенатское решение было необходимо и в том случае, если набор войска поручался преторам (Liv. XXV—22, XXXIX—39)»⁴.

Консул требует от союзников, чтобы они доставили в Рим положенное число воинов⁵. В тех же случаях, когда войско уже было набрано раньше и действовало, вновь выбранному консулу оставалось только принять его от прежнего полководца—консула⁶, претора⁷ или диктатора⁸.

Консулам принадлежало право назначения командного состава армии. В этом вопросе между Грецией и Римом су-

¹ Liv. VII—25, XXXII—8; XXXV—41.

² И. В. Петушил, Очерк римских государственных древностей, I, 1894, стр. 103.

³ Liv. XXII—11.

⁴ И. В. Петушил, цит. соч., стр. 103 сл.

⁵ Polyb. VI—12.

⁶ Liv. VIII—17.

⁷ Polyb. III—56.

⁸ Liv. XXII—32; XXVIII—11.

ществовало заметное различие. В Афинах, например, все назначения на военные должности проходили под контролем народного собрания. Не только стратеги, но и гиппархи, филархи и таксиархи избирались самим народным собранием путем так называемой «хейротонии», т. е. поднятием рук¹. В Риме же офицерский состав назначался по усмотрению консула². Правда, военные трибуны (*tribuni militum*), прибавительно соответствующие полковникам, стали затем избираться народным собранием³, но центурионы не избирались.

После того, как войско было укомплектовано, оно приводилось к присяге в повиновении. Присяга приносилась на имя консула⁴. Перед тем, как вывести войско за пределы города, консулы выполняли некоторые религиозные обрядности, почитавшиеся необходимыми, а именно: консулы приносили жертвоприношения⁵, совершали гадания на внутренностях животных, приносили в Капитолии торжественные обеты (*Vota in Capitolio punicipata, vota punicipare*), обещая исполнить таковые в случае успешного исхода войны⁶. Консулы обязаны были помолиться в храме Юпитера, а если предстояли религиозные игры, то принять в них участие. Когда консул Фламиний покинул город без совершения указанных обрядов, полагая, что это задержит его на долгое время, то сенат послал за ним послов с требованием вернуться в город и выполнить предписания римской религии⁷.

Иногда перед отправкой на войну консулы произносили речь перед народом⁸. Отбывая к войску из Рима, консул обязан уведомить о том сенат⁹.

После выполнения религиозных обрядностей и выхода за пределы города консул облакался полномочиями полководца. Эти полномочия оканчивались (по возвращении из похода) у городской черты.

Если в пределах города (*domi* или *intra pomerium*) могла иметь место *intercessio* коллег¹⁰, то на войне (*militiae*) подобная двойственность власти ни в каком случае не допускалась. Иными словами, *intercessio* в сфере *militiae* не могла

¹ В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, I, 1897, стр. 278.

² Polyb. VI—12, 19.

³ Подобная практика имела место уже в период существования консульского трибуната.—Liv. VII—5; XXVII—36.

⁴ Dionys. X—18; XI—43; Liv. VII—16.

⁵ Liv. XXII—1, 2; XXV—16; XXVIII—11.

⁶ Liv. XXI—63: «*ut auspiciato profectus in Capitolium ad vota punicipanda natus inde cum hictoribus in provinciam iret*» cp. Liv. XLV—39.

⁷ Liv. XXI—63.

⁸ Liv. XXII—36.

⁹ Liv. XXIII—23.

¹⁰ Liv. II—18, 27; Dionys. IV—73, V—9; XI—43.

иметь места. Единство командования достигалось тем, что обыкновенно консулы руководили военными операциями на разных фронтах, действуя самостоятельно и независимо друг от друга. Отдельная армия, поручаемая консулу, а равно и театр военных действий, в пределах которого осуществлялась консульская власть (единоличная, *sine collega*), называлась провинцией. Сфера военных действий обоих консулов определялась, вплоть до Судлы, сенатом, но, как отмечает проф. Нетушил, не поименно, а лишь вообще¹. Поименное же распределение предудкаивных сенатом направлений военных действий производилось чаще всего самими консулами. Причем это достигалось тройным путем:

а) Жребием между коллегами (*sortiri provincias*)². Возможно, что этот способ распределения военных театров между консулами являлся древнейшим. Так, Ливий повествует, что в 459 году до н/э между патрициями и плебеями разгорелся спор относительно распределения провинций. Патриции желали поручить ведение войны, не прибегая к жребию, чему плебей препятствовали. Спор по этому поводу из сената был перенесен в народное собрание. Вступили между собой в пререкание и сами претенденты на спорный театр. Один из них, П. Деций, заявил: «...се бывшие до меня консулы главное начальство в войнах получали по жребию, а теперь сенат отдает его Фабию без жребия»³. Дело кончилось тем, что «народ не с меньшим чем сенат единодушием назначил ведение войны с Этрурией Фабию без жребия»⁴.

Если был только один противник, то и в этом случае решалось жребием, кому из консулов оставаться в городе, а кому из них командовать войском⁵.

б) Соглашением между консулами⁶ («*compragare inter se provincias*»)⁷. Это соглашение было устным.

в) Наконец, распределение провинций могло осуществляться и самим сенатом, хотя и не так уж часто⁸.

Сражаясь на разных театрах военных действий, консулы нередко старались координировать свои действия, сносась письменно друг с другом⁹, а иногда и приходили друг другу на помощь¹⁰.

¹ И. В. Нетушил, Очерк римских государственных древностей, I. Харьков, 1894, стр. 149.

² Liv. VIII—1, 29, X—11, 45; XXVI—29.

³ Liv. X—24.

⁴ Ibid.

⁵ Liv. VII—6, IX—32.

⁶ Liv. IX—12, 31, 37, 38, 41; X—12, 14; XXV—13.

⁷ Liv. VIII—22: «*inter consules provincias comparatis*».

⁸ Liv. X—24; XXIV—21.

⁹ Liv. XXVIII—9; X—39.

¹⁰ Liv. IX—43, X—18, 43.

Когда Риму грозил только один противник, и притом не особенно сильный, на войну выступал один консул. Такому консулу, могло быть поручено ведение войны и без жребия, например при болезни коллеги¹. Если противник представлялся Риму сильным, то против него направлялись сразу два консульских войска. В таком случае консулы вместе начинают и заканчивают войну. Командование войском принадлежит всегда одному. Это достигалось двойным путем: один из консулов добровольно подчинялся другому² или они чередовались во власти, командуя попеременно. В древнейший период они командовали (по очереди) через месяц³, а затем — через день⁴.

Нередко между консулами, находившимися вместе, возникали серьезные разногласия⁵ по поводу способов ведения войны, относительно начала сражения и т. п. Ганнибал воспользовался раздорами между консулами в битве при Тразименском озере и в других битвах. Дело доходило иногда до того, что неприязненные отношения между консулами становились предметом обсуждения в сенате⁶. Ливий иногда специально оговаривает случаи, когда консулы вели войну «с величайшим единодушием»⁷. Если оба консула находятся при войске, то в битве они сражаются на флангах, как бы соревнуясь друг с другом в доблести⁸. С другой стороны, консулы могли разделить войско между собой и в дальнейшем действовать по самостоятельным планам⁹. Кажется, что обычай сражаться вместе сложился в более позднее время¹⁰. Когда Рим стал располагать флотом, то командование таким поручалось тем же консулам — одному¹¹ (или обоим)¹².

Консулу принадлежит и значительная финансовая власть, поскольку сенат предоставлял ему для ведения войны необходимые средства¹³. «Они (консулы — Е. С.) вправе расходовать государственные деньги сколько угодно, так как за ними

¹ Liv. VII—23.

² Liv. III—70.

³ И. В. Нетушил, Очерк римских государственных древностей, I. Харьков, 1894, стр. 148.

⁴ Polyb. III—110, 113; Liv. XXII—41, 45; XXVIII—9, 10. Виллемс, Римское государственное право, I, 1888, стр. 288.

⁵ Liv. X—22; XXI—52, 53; XXII—41, 44, 45; XXIV—19; Polyb. III—79.

⁶ Liv. XXVII—35.

⁷ Liv. XXII—32, 34; XXIV—9; совместное по общему плану ведение войны было, конечно, явлением частым. Polyb. I—24, 27; II—11, 34; III—100; Liv. XXI—51, 52; XVII—22; XXIII—28; XXIV—19; XXV—15, 18, 41.

⁸ Polyb. III—114; Liv. VIII—9; IX—14, 27; XXII—45; XXVII—48.

⁹ Liv. XXII—27; XXIII—32; XXV—19.

¹⁰ Polyb. III—108.

¹¹ Polyb. I—25; Liv. XXII—41; В этом случае второй командовал сухопутными силами — Polyb. II—10.

¹² Polyb. I—26, 35, 38, 39, 41.

¹³ Polyb. VI—12, 13.

следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Но этими средствами консул не распорядился бесконтрольно. Сенат сохранял за собой право контроля за расходованием этих средств. Консул отчитывался в расходовании сумм перед сенатом (через квестора).

Консулу принадлежит и высшая юрисдикция в войске. В древнейший период, до учреждения *praetor urbanus* и *praetor peregrinus*, консулы ведали и гражданским судопроизводством, но затем они сохранили свой судебный *imperium* лишь в сфере *militiae*. Консулы «властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали, из подчиненных им в военном лагере»¹. Авл Геллий свидетельствует, что во время Испанской войны консул осуществлял юрисдикцию в отношении всех лиц, находившихся в армии, что он «сидя в лагере, творил суд над воинами»². Воины, осужденные за преступления консулом, не могли апеллировать к народному собранию. Апелляция могла иметь место, как было указано ранее, лишь *domi*, но не *militiae*. Здесь возникает вопрос: рассматривал ли консул гражданские споры между военнослужащими? На этот вопрос следует ответить положительно, т. е. в том смысле, что консулу принадлежала юрисдикция и в отношении гражданских споров между воинами. Например, в позднейшем римском войске всякий пришлый элемент («сброд») подчинялся консульской юрисдикции по гражданским делам.

Моммзен указывает, что консул имел право объявлять войну. Для нас это утверждение не совсем ясно. Во-первых, сам Моммзен делает оговорку, что консул не мог объявить войну тогда, когда с данным племенем у Рима был союз или был заключен мирный договор. Во-вторых, консулу, как говорят источники, было предоставлено право объявлять войну тем народам, через территорию которых ему надо было пройти во главе войска, но это была бы не главная война, которая объявлялась только сенатом и с его одобрения. Как правило, инициатива войны исходила от сената, который давал указания консулам, уже находящимся на театре военных действий, против какого врага следует обратить оружие. Случалось, что инициатива войны принадлежала консулу³. Однако окончательное решение вопроса войны и в этом случае принадлежало сенату⁴. Ливий прямо говорит, что консул объявляет войну по указанию сената и народного собрания⁵. Консул принимает самое активное и

непосредственное участие в битве¹, лично руководит боем. В целях поднятия духа воинов он ободряет их как до сражения, так и в самый разгар сражения². Иногда перед битвой консул созывает воинов к своей лагерной палатке на собрание, где произносит речь³, воодушевляет их или «увещевает» воинов, чтобы они не торопились вступить в битву раньше времени. Нередко консул воздействует на войско личным примером, сражаясь в первых рядах, бок о бок с рядовыми воинами⁴.

Ливий очень часто отмечает личную храбрость и предпримчивость того или иного консула в бою⁵. Консул вновь выстраивает пришедшие в расстройство ряды своего войска и дает сигнал к отступлению⁶. Типичным для поведения консула в битве является следующее: «но более ожесточенная и жаркая битва происходила около консула; и лучшие воины следовали за ним, да и сам он энергично подавал помощь всюду, где только замечал стесненное и затруднительное положение своих; узнавая консула по блестящему вооружению, враги нападали на него особенно сильно, но граждане защищали его»⁷. Некоторые консулы, как свидетельствует о том Ливий, не останавливались даже перед самопожертвованием⁸. Иногда консулу лично приходилось ездить в разведку⁹. Естественно, что подобный характер деятельности консулов на войне нередко имел своим последствием тяжелое ранение¹⁰ или даже гибель полководцев¹¹. Торжественные похороны погибшего в битве консула организовывались квестором и происходили в расположении римского лагеря¹². На место выбывшего консула назначался новый (*consul suffectus*), но в древнейший период после смерти коллеги оставался один консул, и другого не избирали¹³.

Во время войны консул не прекращал активной дипломатической деятельности, он вел переговоры с иноплеменными народами с целью привлечения их на свою сторону в борьбе против какого-либо противника римского государства¹⁴, тайные переговоры с вождями племен, служивших по найму

¹ Polyb. VI—12.

² Aul. Gell. N. A. VI—7, 1: «Консул, сидя в лагере, творил правосудие в отношении солдат, которые перед ним вставали (напались), и он производил допрос в соответствии с обычаем», см. также Gell VI—1, 8.

³ Liv. VIII—6.

⁴ Ibid: «consensit et senatus bellum».

⁵ Liv. VII—12: «novi consules ...jussu populi bellum indixere».

¹ Liv. VIII—9.

² Liv. VII—24; IX—27; VIII—10; XXII—5; XXV—38, 39; Polyb. III—109.

³ Liv. VII—24; IX—13, 31, 41; X—39.

⁴ Liv. VII—24.

⁵ Liv. VIII—10; X—28.

⁶ Liv. XXV—37, 38.

⁷ Liv. XXII—6; ср. Polyb. III—116.

⁸ Liv. VIII—9; X—28.

⁹ Liv. XXVII—27; Polyb. III—65.

¹⁰ Polyb. III—66; Liv. IX—44; XXI—46, 48, 53; XXII—49; XXVII—33.

¹¹ Polyb. II—19, 28; III—116; Liv. IX—44; XXII—6, 7, 25, 37, 49, 50.

¹² Liv. VIII—10; X—29; XXV—17.

¹³ Liv. VII—25.

¹⁴ Liv. XXVI—24.

в войске противника¹, принимал в свой лагерь перебежчиков от неприятеля². Консул принимал послов неприятеля или нейтральных государств³. Консул мог по своей инициативе обратиться с мирными предложениями к неприятелю⁴, хотя случаи подобного обращения были не так часты. Консул принимал предложение противника о мире⁵. Здесь необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что каково бы ни было содержание заключенного консулом договора (о союзе, перемирии, капитуляции, мире), такой договор рассматривался только как предварительный и окончательное его утверждение (*ratum facere*) должно было последовать со стороны сената (реже — комициями)⁶. Это положение особенно справедливо для случаев заключения перемирия и мира. Истории известны случаи, когда сенат отказывался санкционировать договор, заключенный консулом⁷. Договор приобретал юридическую силу лишь тогда, когда для его окончательного скрепления из Рима посылались фециалы — по меньшей мере в числе двух⁸. Фециалы заключали особый обряд, состоящий в том, что кремневым топором забивали поросенка. Отсюда выражение «*foedus icere*» («заключать союз»)⁹. Иногда обряд заключался и самим полководцем с помощью подчиненных ему лиц¹⁰. Однако, согласно Ливию, такой способ заключения можно было оспорить¹¹. «Поэтому, — указывает проф. Нетушил, — вместо «*foedus*» в подобных случаях употреблялось «*sponsio*», т. е. клятвенное обещание с ручательством об одобрении договора сенатом и народом, причем ручательство это принимали на себя, кроме главного военачальника, и другие лица (*sponsoros*) из его войска (обычно 20 человек). Следствием этого способа заключения договоров было то, что в случае неутверждения договора со стороны сената и народа лица, давшие соответственное ручательство, могли быть выданы неприятелю»¹².

Действительно, после позорного поражения при Кавдинском ущелье договор, заключенный консулами Т. Ветурием и С. Постумием с самнитянами, был признан недействительным, и консулы были выданы самнитянам. Фециал, осуществ-

¹ Polyb. I—43.

² Liv. XXV—41.

³ Liv. XXI—52.

⁴ Polyb. I—31.

⁵ Polyb. I—62.

⁶ Sall. Jug. 39: «senatus ita, uti, par fuerat, decernit suo atque populi injussu nulla potuisse foedus fieri».

⁷ Liv. IX—8, 9.

⁸ Liv. IX—5.

⁹ «*icere*» означает «ударить», «поражать».

¹⁰ Cic. de inv. II—30, 31.

¹¹ Liv. IX—5.

¹² И. В. Нетушил. Очерк римских государственных древностей. I, 1894, стр. 107, сл.

ивший передачу врагам упомянутых лиц, заявил: «Так как эти люди без приказа римского народа квиритов поручились за то, что будет заключен союзный договор и вследствие этого совершили преступление, то я и выдал вам этих людей, чтобы тем самым освободить римский народ от несчастного преступления»¹. Со времени второй Пунической войны сенат выделял из своей среды легатов (*legati*)², которые помогали полководцам сформулировать условия договора, но и в последнем случае договор вступал в силу только по одобрении его сенатом и народным собранием³. Консулы иногда могли благодаря своему личному авторитету настоять на том, чтобы предложение послов неприятеля о мире, сделанное сенату, было им отвергнуто⁴. Говоря об отношении консула к населению завоеванных областей, следует заметить, что это население продолжало оставаться подсудным своим собственным законам и обычаям.

В результате завоевания новых областей консулы захватывали огромную добычу. Консулу принадлежало право распоряжения захваченной добычей⁵, конечно, не в свою пользу. Добыча (*praeda*), как известно, состояла из движимого имущества (скот, деньги и т. п.) и из земельных массивов. Консул мог распоряжаться только движимостью или вырученными от ее продажи деньгами (*manubiae*). При этом добыча могла быть целиком роздана войску, частью могла быть употреблена на религиозные цели (например, на жертвоприношение или на постройку храма). Излишек добычи консул направлял в казну. По Моммзену получается, что консул мог распоряжаться и недвижимостью. Это не соответствует действительности, т. к. завоеванная земля приписывалась к *ager publicus* и вопрос об использовании территориальных приобретений разрешался только сенатом. Консулу принадлежало право наложения контрибуции на побежденного неприятеля. Так, от самнитян консул выговорил «годовое жалование и хлеб на три месяца»⁶. Консул жалует наградами отличившихся в боях воинов⁷.

При изучении показаний источников о компетенции консулов бросается в глаза их зависимость от сената.

Каковы бы ни были полномочия консула как высшего военного магистрата, он все-таки был ответственным перед сенатом и должен был давать отчет последнему. Хотя, согласно Полибию, «каждый гражданин в отдельности и все

¹ Liv. IX—10.

² Liv. XXX—43.

³ Liv. XXX—44; XXXVIII—24.

⁴ Polyb. II—34.

⁵ Liv. VII—16; XXV—14 и т. д.

⁶ Liv. VIII—2.

⁷ Polyb. VI—39.

вместе подчинены власти консулов во время войны»¹, но тем не менее «консулы во многих делах нуждаются в соизволении сената для осуществления своих планов»². Известно к тому же, что в древнейший период истории римской республики консулы, избираемые в комициях, утверждались в должности сенатом (*patres auctore fuere*). Кроме того, никакой сколько-нибудь значительный расход не мог быть произведен без санкции сената. Сильная зависимость консулов от сената, подчеркнутая Полибием³, сказывалась и в том, что именно от сената зависел количественный⁴ и качественный состав набираемого войска. Все важнейшие решения *domi* и *militiae* принимаются консулом не иначе, как с одобрения сената. Например, «Кв. Фабий, спросив предварительно мнение сената, приказал всем собрать хлеб с полей и до июньских календ свезти в укрепленные города, а кто этого не сделает, тому грозил опустошить его землю и продать рабов с публичного торга и сечь дома»⁵.

Деятельность консула на войне направляется сенатом⁶. Консул обязан был доносить сенату с театра военных действий о ходе военных операций⁷, о преследовании противника⁸, о неудачах⁹ и т. п. Причем доклад мог быть и устным¹⁰. Консул спрашивает у сената мнение, как будет лучше поступить в том или ином случае¹¹. По определению сената консул приглашался с театра военных действий в Рим¹², например, для проведения комиций. Что консул был зависим от сената и что он должен был действовать в полном с ним согласии, доказывает еще и ссылкой Ливия на «недопустимое» поведение консула Эмилия, «изменившего сенату и отправлявшего консульскую должность, как мятежное трибунство»¹³.

В источниках содержатся указания на то, что консулы были ответственными в своей деятельности. «Важнее всего то, — говорит Полибий, — что консул обязан при сложении должности отдавать отчет в своих действиях перед народом»¹⁴. По истечении срока полномочий консул мог быть привлечен даже к судебной ответственности, причем не толь-

¹ Polyb. VI—17.

² Polyb. III—87.

³ Polyb. VI—15.

⁴ Liv. XXVII—45: «*equippe ad quod bellum collega non ante, quam ad subietatem ipsius peditum atque equitum date ab senatu*».

⁵ Liv. XXIII—32, см. также XXVI—27.

⁶ Liv. VII—26.

⁷ Liv. XIII—19, X—21, 44. Такие дописания назывались «*litterae*».

⁸ Liv. XXVII—4.

⁹ Liv. XXVII—2.

¹⁰ Liv. IX—8.

¹¹ Liv. VIII—20.

¹² Liv. X—25.

¹³ Liv. VIII—12.

¹⁴ Polyb. VI—15.

ко за такие преступления, как государственная измена или убийство, но и за плохое ведение войны—«*male imperatae rei militaris*»¹, которое имело своим следствием неудачный исход сражения или гибель всего войска. Впрочем, следует отметить, что хотя консулы нередко терпели поражения², допуская грубые ошибки при проведении операций³, однако случаи предания их суду за провал той или иной операции встречаются редко. Если привлекали полководцев-неудачников к ответственности, то преимущественно на заре республиканской истории⁴, а впоследствии отказались даже от этого⁵. Привлекали к ответственности иногда за неправильное расходование средств, отпущенных для ведения войны. Известно, что консул 220 года М. Ливий был предан суду за неправильное распределение добычи⁶. С другой стороны, жалобы покоренных народов на суровое обхождение и произвол полководцев, обращенные к сенату, остались без последствий⁷.

В заключение остается еще добавить, что в походе консула сопровождали консульские телохранители или консульская когорта (*cohortes praetoria* или *delecta manus imperatoris*). Наличие при главнокомандующем вооруженными силами такого особого отряда дает основание предполагать, что мы имеем здесь дело с очень древней организацией, возникшей еще в ту эпоху, когда высший военачальник именовался не консулом, а претором⁸. Такая когорта состояла вначале из привилегированной группы всадников (*equites delecti*), но в нее входила и личная дружина вождя. Аппиан⁹, рассказывая о Младшем Сципионе, повествует, что в Нумантинскую войну он взял с собой 500 клиентов и друзей, из которых сформировал особый отряд. В конце республики при каждом командующем была собственная когорта, состоявшая из пехотинцев и всадников. С одной стороны, здесь были ветераны, добровольно вступившие на военную службу (*evocati*) за высокую плату, а с другой *equites ordinarii sociorum*, которых ради их высокого общественного положения или их заслуг полководец привлекал в свою гвардию. Здесь же можно было найти также и тех римских всадников, которые таким образом освобождались от службы в обычных рядах армии. Во-

¹ Plin. n. h. VII—29, 201.

² Liv. XXV—34; XXVII—49, 50; XXV—18 и т. д.

³ Polyb. II—33.

⁴ Liv. II—32; IV—40; V—11.

⁵ Liv. XXVI—2.

⁶ Liv. XXII—35.

⁷ Liv. XXVI—26.

⁸ О том же свидетельствует и наименование консульской палатки «*praetorium*», «*porta praetoria*», «*navis praetoria*».

⁹ App. Hist. 84.

всяком случае, можно отметить, что охрана консула состояла частью из добровольцев, которые «идут в поход из расположения к консулам»¹.

4. Квесторы (quaestores).

Квесторы, согласно И. С. Перетерскому², имели разную компетенцию: одни ведали некоторыми уголовными делами, другие—государственными архивами и казначейством. Первоначально они были только общими помощниками консулов без какой-либо специальной компетенции³. В данном случае нас интересуют лишь те квесторы, которые в качестве казначеев прикомандировывались к командующим армией для ведения финансовых дел. Таких квесторов можно назвать военными. По свидетельству Тацита⁴, квесторы появились в V веке до н. э. При определении взаимоотношений между квестором и консулом следует иметь в виду свидетельство Цицерона, указавшего в одной из своих судебных речей, что «по обычаю предков наших отношения между консулом и квестором должны иметь отеческий характер»⁵. В системе магистратуры мы, вопреки Цицерону, нигде отеческих взаимоотношений не видим. Квестор, оставался ли он дома или ехал на войну, должен был, как младший, подчиняться старшему. Следовательно, круг обязанностей квестора, хотя и установившийся в общих чертах, все же определялся стоящим над ним магистратом.

Сопровождая военачальника, квесторы являлись, во всяком случае, органом сената. Все ассигнования, которые сенат от имени народа давал на военные нужды, проходили через руки квесторов.

Следовательно, консул, даже облеченный военными полномочиями, не имел права производить никаких расходов, иначе как с согласия квестора.

В интересах единоначалия в армии, конечно, квестор должен был строго повиноваться консулу. Вышеприведенное место из Цицерона следует толковать в том смысле, что квестор не мог отказать консулу в ассигновании средств. Консул все-таки мог настоять на необходимости произвести тот или иной расход.

¹ Polyb. VI—31.

² И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, ч. 1-я, Древний мир, вып. II, М., 1945, стр. 29. См. также работы: В. М. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, М., 1947, стр. 91—94; С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 107—108.

³ И. А. Покровский, История римского права, Петроград, 1917, стр. 83.

⁴ Tacit. Annal. XI.

⁵ Cic. pro Plancio, XI, 28: «morem illum majorum, qui praescribit in parentum loco quaestoribus suis praetores esse oportere».

Итак, квестор—это должностное лицо, подчиненное консулу. Квестор не был уполномочен распоряжаться той добычей, которую консул приобретал на войне. Он не мог оспорить порядок расходования консулом добычи. От консула зависело обратить добычу в пользу своей армии или передать ее в ведение государства, т. е. тому же квестору.

Каковы были функции квестора в военном лагере? Возникает вопрос: не было ли у него функций помощи консулу в управлении армией?

Основанием для постановки такого вопроса служит свидетельство источников¹ о том, что компетенция курульных эдилов в провинциях принадлежит квесторам. Не вдаваясь в подробный анализ института курульных эдилов, надобно заметить, что эта должность возникла приблизительно в ту же эпоху, что и плебейские трибуны. Курульный эдил в отдаленные времена имел какое-то отношение к базару. Когда плебейская и римская община существовали отдельно, то взаимоотношения между ними осуществлялись путем обмена. Споры на рынке между плебеями и *cives Romani* решал базарный староста. Впрочем, должность эта с течением времени возвысилась.

В процессе реализации военной добычи между воинами могли возникать споры. Эти споры торгово-гражданского характера должны были решаться какой-то властью. Сенат не допускал в армию эдилов. В силу этого функции гражданской юрисдикции он передал квестору.

Если управление консула-полководца обнимается понятием *praetorium* (суда), то управление хозяйственное можно обозначить словом *quaestorium*². Таким образом, квестор был органом хозяйственной администрации. Квесториум—это есть хозяйственно-судебное управление армии. Если полководец (консул, претор) умирает, то командование армией переходит к квестору (временю, разумеется). Так, у Ливия находим сообщение, что однажды целое войско находилось под командой квестора³. По поручению главнокомандующего квестор мог возглавить гарнизон в том или ином пункте⁴. Случалось, что квестор руководил обороной какого-нибудь города и по своей инициативе⁵.

Здесь уместно поставить вопрос относительно того, полагал ли квестор каким-либо аппаратом. К сожалению, источники не дают материала для решения данного вопроса. Можно, однако, с известной долей вероятности предположить,

¹ Gal. I, 6: «aetiliam curulum jurisdictionem in provinciis populi Romani quaestores habent».

² Polyb. VI—31; Liv. X—32.

³ Liv. XXV—19.

⁴ Liv. XXV—31.

⁵ Polyb. I—53.

что какой-то (пусть даже несложный и немногочисленный) аппарат учета и контроля за расходованием поступающих к квестору средств у него имелся¹.

На квартире у квестора и в лагере хранились запасы, в силу чего эта квартира охранялась, по словам Полибия, тремя сторожевыми постами². Квесторы доставляют войску провиант, для чего в их распоряжение могло быть предоставлено старшим начальником нужное количество кораблей³. Квестор принимал участие и в фуражировке, как видно из того места из Ливия, где сообщается о гибели квестора в составе почти 1000 воинов, рыскавших с целью грабежа по полям⁴. Захваченное у неприятеля или поступившее от «союзников» золото и серебро (в монетах и сосудах) передается квестору⁵. Причем он обязан не только принять в свое ведение те или иные ценности, скажем, золото и серебро⁶, но и организовать надлежащую их охрану⁷. Квестор раздавал жалованье войску⁸. Если воину оружие было выдано от казны, то квестор удерживал его стоимость⁹. Продовольствование и какая-то забота о пленных также возлагалась на квестора¹⁰. По указанию консула квестор производил продажу военнопленных¹¹. Похороны погибшего на войне консула организовывались квестором¹². К сказанному следует добавить, что квестор заведывал также боевыми знаменами римского войска¹³. Роль квестора в римском войске подчеркивается, между прочим, и тем обстоятельством, что Ливий¹⁴ и Полибий¹⁵ нередко отмечают случаи гибели квесторов на войне. По Ливию, лигуры, захватившие обманом двух римских квесторов, выдали их Ганнибалу¹⁶.

Заключив рассмотрение вопроса о компетенции военных магистратов, управлявших римским войском, обратимся к другой интересующей нас проблеме: о состоянии дисциплины и о преступлениях и наказаниях.

Одним из центральных вопросов для историков военного права является вопрос о характере римской воинской дисципли-

¹ Polyb. VI—31.

² Polyb. VI—35.

³ Polyb. I—32.

⁴ Liv. XXII—31.

⁵ Liv. XXVI—47.

⁶ Liv. XXVI—14.

⁷ Liv. XXV—31.

⁸ Polyb. VI—39.

⁹ Ibid.

¹⁰ Liv. XXVI—49.

¹¹ Liv. XXVII—19.

¹² Liv. XXV—17.

¹³ Liv. VII—23.

¹⁴ Liv. XXII—31, 43.

¹⁵ Polyb. II—11.

¹⁶ Liv. XXI—59.

ны. По господствующему в общих трудах по римской истории и в специальной литературе мнению дисциплина в римской армии была образцовой. Многочисленные буржуазные авторы¹ идеализируют римскую воинскую дисциплину. Не только успехи римской армии, но, больше того, господствующее положение римской империи в древнем мире они склонны приписывать чудодейственному влиянию этой дисциплины. Никто, конечно, не будет оспаривать с многочисленными римских легионов помогла им справиться с многочисленными противниками. Однако ставить в зависимость образование крупной и могущественной рабовладельческой империи только (или преимущественно) от дисциплинированности римских солдат—значит смешивать причину и следствие. Нельзя говорить о воинской дисциплине «вообще», как это делают иностранные буржуазные романисты, о дисциплине, как о какой-то раз и навсегда данной величине. Необходимо, соблюдая историческую перспективу, установить конкретное содержание воинской дисциплины для каждого из основных этапов в развитии римского рабовладельческого государства и его армии. Что это содержание не было неизменным, доказывается хорошо ощутимыми переменами в способах обеспечения и поддержания дисциплины. Следует обращать внимание на состояние производительных сил как в Римском государстве, так и у противников Рима, на характер вооружения, тактические приемы ведения боя и т. д. Необходимо сопоставлять римскую воинскую дисциплину с дисциплиной войск противника. Нельзя, далее, упускать из виду, что и Тит Ливий и Полибий—наши главные источники по римской истории—допускают идеализацию римских распорядков и, в особенности, воинской дисциплины.

В древнейший период, когда велись малые войны и на относительно небольшом пространстве, когда в войне были одинаково заинтересованы почти все члены римской общины, характер воинской дисциплины определялся тем, что она зиждлась на традициях товарищества каждого члена общины по отношению ко всем другим ее членам. И так как понятие долга одного члена по отношению ко всем членам являлось основой этой первобытной дисциплины, то воинские преступления (чрезвычайно редкие к тому же) на ранней стадии истории римского войска могут быть объяснены только неуважением к чувству товарищеского долга. В условиях военной демократии имело место большое послушание, и пережитки такого послушания в значительной степени сохранились и в классовом обществе. Поскольку одним из существеннейших элементов воинской дисциплины является регулирование отношений

¹ Назовем: Bonquité, De la justice et de la discipline dans les armées à Rome. Bruxelles—Paris, 1884; Дангельмайер, История военно-уголовного права, Варшава, 1892.

между начальником и подчиненным, постольку о дисциплине в нынешнем понимании этого слова мы можем говорить, лишь начиная с эпохи Мария, так как именно у него устанавливаются взаимоотношения с любым членом войска.

В период ранних войн, в VI—IV вв., войны вели себя по отношению к полководцам чрезвычайно свободно. Говорить о строгой воинской дисциплине в этот период не приходится.

Кроме того, римские легионы в период первой половины республики имели сложный состав. Это было римско-плебейское войско. Нельзя думать поэтому, что борьба между плебейми и членами римской общины совершенно прекращалась, как только плебеи выступали в составе объединенного войска в поход. В данной связи мы не можем согласиться с мнением Н. А. Машкина, согласно которому воинская дисциплина «не подрывалась политической и социальной борьбой, происходившей в Риме»¹. Нельзя безоговорочно принимать и другое утверждение Н. А. Машкина, будто «В походе солдат был всецело подчинен своему начальнику»². Обратимся к некоторым фактам. Во время похода 353 года, когда консул, вопреки всем прежним традициям, оставил на зиму свои легионы в Кампанье, в войске, расположенном гарнизоном, произошли серьезные волнения. Солдаты составляли заговоры, предавались всякого рода удовольствиям и, как говорит Ливий, «совсем забыли об отечестве»³. Консул принял следующие меры. Он очистил войско от наиболее мятежных элементов, удалив их под видом отпуска из Кампаньи в другие места, преимущественно — в Рим. Были удалены не только отдельные лица, но даже целые когорты. Однако в следующем — 352 году войны тех же кампанских легионов образовали отряд, принявшийся за грабежи. Солдаты самовольно оставили гарнизоны и, дойдя до Альбанской территории, расположились там лагерем, укрепив его валом. Выбрав затем предводителя, они двинулись по Аппиевой дороге на Рим. Дело приняло настолько серьезный оборот, что был назначен диктатор⁴, который совместно с начальником конницы выступил навстречу возмущившимся воинам, но до вооруженного столкновения не дошло. Диктатор выступил с речью, и мятеж был улажен мирным путем⁵. Из вышеприведенного события мы можем сделать, по крайней мере, два важных вывода.

Во-первых, событие, сообщенное Ливием, является переломным моментом в истории римских войн. Характер и цели войны начинают решительно изменяться. Войны, ведущиеся в интересах имущей верхушки и ради грабежа чужих терри-

торий, уже не приносят непосредственных выгод рядовым общинникам. Соответственно этому и армия перерастает свою первоначальную природу и становится, употребляя выражение В. И. Ленина, «симпериалистской»¹. Возмущение войска и следует рассматривать, как попытку общины сопротивляться захватам. Рядовые члены общины чувствуют, что захваченные земли уже не перейдут к ней целиком и полностью, а станут достоянием имущей группы, достоянием верхушки рабовладельческого класса. Мы видели, что возмущение произошло как прямое следствие оставления войска гарнизонами на зимние квартиры. Войско было недоволено этим новым порядком вещей. Когда же консул удаляет некоторую часть воинов под тем предлогом, что они провели зиму вдали от дома и хозяйства, то этот повод не вызывает у удаляемых ни малейшего подозрения и воспринимается ими как должное, наряду с обычными основаниями для отпуска, как то: окончание срока службы, преклонный возраст или физическая слабость.

Во-вторых, хотя возмущение, вспыхнувшее в войске, было как-то прекращено, тем не менее виновники его были слабо наказаны. Представитель патрициата, диктатор М. Валерий Корв, расценил действия возмущившегося войска, как попытку «сражаться против отечества»². Несомненно, что любым военно-уголовным законодательством современных буржуазных государств поведение военнослужащих, аналогичное вышеописанному, было бы квалифицировано как тяжчайшее преступление. В данном же случае между восставшими и сенатом состоялись переговоры, и «было выговорено не ставить никому в вину удаления»³. Таким образом, публичная власть в этот переломный момент относительно слаба, она не настолько могущественна, чтобы жестоко расправиться с возмущившимися. В этом факте следует усматривать не только сильные пережитки периода военной демократии, но и отмеченный ранее сложный состав римской армии. Восставшие были, по словам Ливия, многочисленны, и реальное соотношение сил в войске между плебсом и *populus* помешало в данном случае беспощадно подавить восставших.

Показателем и другой факт. Командующий римским войском диктатор решил всячески оттягивать момент сражения с неприятелем. Войны открыто стали обсуждать приказ начальника, оспаривать его громким ропотом, и даже послали своего представителя к диктатору для переговоров об отмене ранее изданного приказа. Центурнион, посланный воинами к диктатору, советует ему «заботиться удержать войско в по-

¹ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 131.

² Там же.

³ Liv. VII—38.

⁴ Liv. VII—39.

⁵ Liv. VII—42.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 305.

² Liv. VII—42.

³ Ibid.

виновен; столь сильное возбуждение умов трудно сдержать; они сами выберут себе место и время сразиться, если этого не даст им вождь»¹. Командующему пришлось отменить свое решение и дать бой. Иногда бывало так, что воины, если полководец почему-либо не пришелся им по сердцу, оказывали ему пассивное сопротивление, не восставая открыто и формально не нарушая приказов. По свидетельству Ливия, при полководце Папирии, которого не взлюбили воины, последние «были нерадивы и умышленно отказывались от победы, чтобы умалить славу полководца»². Лишь после того, как Папирий стал предупредительнее относиться к солдатам, выказал по отношению к ним большую заботливость (обошел раненых и т. д.), войско стало драться лучше и завоевало победу.

В VIII книге своего труда Ливий рассказывает о том, как начальник подразделения конницы вступил в единоборство с противником вопреки запрету сражаться вне строя. Когда консулу, отцу этого нарушителя приказа, стало известно о проступке, он собрал войско, учинил скорый суд и приказал казнить ослушника, после чего труп казненного сожгли на костре³. Суровость наказания кажется еще большей, потому что преступление не повлекло за собой каких-либо видимых тяжких последствий. Из поединка римлянин вышел победителем, сняв доспехи с поверженного противника. Какого-либо расстройтва боевых порядков в римском войске не произошло. Между тем, свое решение консул мотивировал тем, что виновник должен смертью восстановить нарушенную дисциплину. Здесь мы имеем дело с таким свидетельством Ливия, которому очень посчастливилось в ученой и учебной литературе. Это место обычно приводится в качестве самого убедительного доказательства высокого уровня римской воинской дисциплины, суровости и беспрекословности ее. В самом деле, рассуждают многие исследователи, какая воинская дисциплина может быть выше той, в интересах поддержания которой отец казнит своего любимого сына? Мы должны заметить тем авторам, которые своими представлениями о характере дисциплины римских легионов обязаны исключительно вышеприведенному свидетельству Ливия, что ни в каком случае не следует отвлекаться от тех особых взаимоотношений, которые существовали между полководцем и нарушителем дисциплины. Смысл события таков: сын воспротивился в какой-то мере воле отца, за что тот учинил над ним кровавую расправу. Следовательно, в данном случае консул действовал прежде всего как отец, как римский *pater familias*, для которого, строго говоря, осуществление отцов-

ской власти (*patria potestas*) не было поставлено в зависимость от каких бы то ни было условий места и времени.

Мы полагаем, что казнь консулом своего сына является не столько показателем высокого уровня римской воинской дисциплины, сколько показателем ее слабости. Необходимо учитывать, что война велась против сильного противника. Серьезность положения заставила послать на войну обоих консулов. Перед битвой состоялся военный совет, на котором консулы пришли к выводу о необходимости поднять дисциплину до обычной в древние времена строгости¹. Хотя последствия смертной казни, по словам Ливия, были благими (воины стали со страхом относиться к приказам консула и лучше выполнять их), однако через несколько лет один из начальников конницы вновь вступил в битву без разрешения². Наконец, наличие самых разнообразных преступлений (военная измена, побег с поля боя, дезертирство и уклонение от призыва, утрата оружия, нарушение правил караульной службы и т. д.) не позволяет прийти к такому категорическому выводу, будто дисциплина в римском войске была верхом совершенства.

Всякий раз когда надо было осветить вопрос о видах наказаний воинов, известных римскому военно-уголовному праву, буржуазные исследователи обращались к соответствующему фрагменту шестнадцатого титула 49-й книги Дигест, но дальше этого, как правило, не шли. Вот что гласит этот фрагмент: «Воинские наказания суть следующие: телесное наказание, денежное взыскание, наложение особых повинностей, перевод в другую воинскую часть, разжалование, позорное изгнание из армии. Воины не могут подвергаться ссылке в каменоломни или на работы в рудники, а также допросу под пыткой»³. Однако этим не исчерпывается перечень наказаний. Так, при совершении более тяжких преступлений, например при переходе на сторону врага, виновные подвергались смертной казни путем повешения или отдачи на растерзание диким зверям. «Если кто, — говорится в четвертой книге Модестина о наказаниях, — перебежит к врагу, а затем возвратится обратно, то он подвергается пытке и отдается затем на растерзание диким зверям или подлежит повешению, хотя обыкновенно легионеры не подлежат таким наказаниям»⁴.

Трудно сказать, к какому времени восходят перечисленные виды воинских наказаний. Несомненно, что наиболее

¹ Liv. VIII—6: «Agitatum etiam in consilio est, ut si quando unquam severo ullum imperio bellum administratum esset, tunc uti disciplina militaris ad priscos redigeretur mores».

² Liv. VIII—30.

³ Liv. 3. 1. D. 49, 16.

⁴ L. 3. 10. D. 49, 16.

¹ Liv. VII—14.

² Liv. VIII—36.

³ Liv. VIII—7.

древними из них являются смертная казнь, телесные наказания, штрафы, а также продажа в рабство. Смертная казнь применялась в войске довольно широко и осуществлялась путем обезглавливания¹ ликторскими топорами (*securi percussio*). Обезглавлению всегда предшествовало сечение ликторскими розгами (*virgis, fasces*)². Применялось иногда сбрасывание с Тарпейской скалы³ с предварительным сечением розгами. Встречалось распятие на кресте⁴ и повешение⁵. Смертная казнь полагалась за измену (*perduellio*), трусость на поле сражения, побег с поля боя, за оставление поста⁶.

Продажа в рабство (за границу)⁷ полагалась за уклонение от военной службы. В Дигестах указывается, что в древности неявившихся на сбор продавали в рабство, как предателей свободы⁸. Равным образом и уклонение от ценза, являвшееся разновидностью уклонения от военной службы, облагалось продажей в рабство⁹.

Телесные наказания применялись, в частности, при уклонении от призыва: «Одних, которые не шли на призыв (при диктаторе Муции Манлини), секли розгами, других заключали в оковы»¹⁰. Разновидностью этого способа наказания являлось *fastuarium*. Осужденного изгоняли из военного лагеря, избивая его по дороге палками. Успевший покинуть лагерь живым не имел права возвращаться на родину¹¹. Денежным наказанием облагалась, может быть, неявка на призыв. У Варрона по этому поводу имеется глухое указание на то, что за неявку был назначен штраф в виде одного барана *capitum ovem multam fisco*. Неясно, однако, назначался ли этот штраф за неявку на военную службу или за неявку вообще к исполнению каких-либо обязанностей.

Применялась и конфискация имущества. «Курий Дентат, когда был назначен набор, продавал имущество тех, кто не являлся на сбор»¹².

В римском войске помимо индивидуального наказания применялись различные формы коллективного наказания. Согласно Полибию, всякий раз, как только в одну и ту же беду попадет довольно большое число воинов, т. е. если под натиском неприятеля побегут целые манипулы, то римляне не имели обыкновения подвергать наказанию палками или смертью всех провинившихся. В этом случае военный трибун собирает легион, выводит вперед воинов, покинувших свои места в строю, жестоко укоряет их, а затем из числа всех проявивших трусость выбирает по жребию пять, десять или двадцать человек, словом, в каждом случае столько, чтобы получилось около десятой части всех виновных, и тех, на кого пал жребий, избивают палками, а остальным военный трибун велит вместо пшеницы выдавать положенную меру ячменя¹ и палатки их приказывает ставить за окопами, ограждающими лагерь римского войска. Описанный способ наказания Полибий находит в одно и то же время и удобным и устрашающим². Казнь каждого десятого по жребию носила название децимации (*decimatio*).

Децимация применялась не только тогда, когда требовалось наказать манипулу, но и когорту или даже легион. Впервые децимация была применена консулом Аппием Клавдием в 471 г. до н/э³. Помимо этого, он казнил некоторое число лучших воинов и центурионов, утративших во время бегства свое оружие и воинские знамена⁴. Сообщение Ливия подтверждается Фронтином: «Аппий Клавдий убил дубиной каждого десятого по жребию из тех солдат, которые сдали позицию»⁵. По Ливию, казнь была совершена не дубиной, а посредством отсечения головы с предварительным битьем розгами⁶. Об аналогичном виде наказания говорит Фронтин: «Аквилий казнил топором по три человека из центурий, чья позиция прорвана была неприятелем»⁷. Однажды римский легион был поставлен в качестве гарнизона в союзном Риму городе Регий с тем, чтобы защищать его жителей против Пирра. Этот легион, выйдя из повиновения римскому командованию, перебил местных городских правителей, заняв

¹ Употребление в пищу ячменя почиталось большим позором.
² Polyb. VI—38.
³ Liv. II—59.

⁴ *ibid.*: «ad hoc centuriones duplicariosque, qui reliquerant ordines, viris caesos securi percussit; cetera multitudo sorte decimus quisque ad supplicium lectis».

⁵ Front. IV—1, 33 (Секст Юлий Фронтин, «Стратегемы», ВДИ, I, 194б, стр. 222—283).
⁶ Liv. II—59.

⁷ Датировать это событие с достоверностью не представляется возможным. Во всяком случае, оно имело место в конце IV или в начале III в. до н/э. Front. IV—1, 35; см. также IV—1, 34: «Консул Фабий Рулли казнил топором по жребию на глазах у войска солдат из двух легионов, сдавших позицию» ср. Dionys. IX—50; Zonar. VII—17.

¹ Liv. XXX—43.
² Liv. II—59: «Virgis caesos securi percussit»; III—65: «tergo ac capite puniri».

³ Liv. XXIV—20.
⁴ Liv. XXX—43.
⁵ Liv. I—26: «infelici arbori restie suspendito».

⁶ Liv. VIII—7; XXIV—37.
⁷ Gell. XX—1, 47: «Trans Tiberim venderes».

⁸ L. 4. 10. D. 49, 16.
⁹ Liv. Epit. 14; Val. Max. VI—3, 4; Cic. pro Caecina. XXXIV—99: «jam populus eum eum vendit, qui miles factum non est, iudicat non esse eum liberum eum autem incensum vendit, hoc iudicat eum iptum sibi libertatum abjudicavisse».

¹⁰ Liv. VII—4.
¹¹ Liv. V—6. Cic. Phil. III—6, 14.
¹² ср. Liv. VII—4: «набор производился с материальным ущербом для граждан».

безудержным грабежом и удерживал в своих руках город в течение 10 лет. «За это преступление весь легион, 4000 человек, был обезглавлен на римском форуме»¹. Русский ученый Ф. Г. Мищенко, переводчик Полибия на русский язык и блестящий знаток как греческих, так и римских авторов², констатирует расхождение в показаниях Ливия и Полибия. Согласно Полибию, при очищении Регия от мятежных римских воинов было взято в плен более 300 человек. Пленных отправили в Рим, где по приказанию консулов их вывели на форум, высекли и, по римскому обычаю, обезглавили секирой. По словам Ливия, казнено было 4000 человек, т. е. весь легион, как бы уцелевший для казни³, но, замечает Мищенко, часть мятежников была истреблена при взятии города⁴, и, кроме того, за 8 лет нахождения в городе их ряды могли поредеть. По мнению названного исследователя, «показание Полибия гораздо ближе к истине»⁵.

Хотя Фронтин⁶ называет то же число казненных, что и Ливий, однако мы разделяем точку зрения Мищенко, поскольку Фронтин в данном случае воспользовался, несомненно, данными Ливия⁷. Между тем, римский сенат вынес специальное постановление, «чтобы никого из них не хоронили и не оплакивали»⁸. Впрочем, вопрос о том, подвергся ли столь суровому наказанию весь легион в целом или только часть его, не имеет принципиального значения. Событие это засвидетельствовано показаниями ряда источников⁹. В иных случаях коллективное наказание применялось не в столь суровых формах. Так, часть войска, уцелевшая после поражения при Каннах, была, по сенатскому определению¹⁰, отослана в Сицилию, чтобы оставаться там вплоть до окончания войны с Ганнибалом¹¹. Повидимому, служба в Си-

цилии рассматривалась посланными туда воинами настолько позорным наказанием¹, что они через проконсула М. Клавдия принесли в сенат жалобу с просьбой о смягчении своей участи. Сенат оставался непреклонным, указав, что «он не видит никаких оснований поручать защиту государства воинам, покинувшим в бою сослуживцев»².

Отказав опальному войску в возвращении в Италию, сенат обратил внимание проконсула на то, что он может поступать с воинами по своему усмотрению, «лишь бы только никого из них не освобождали от работ в лагере, не награждали военными отличиями за храбрость и не перевозили обратно в Италию, пока в ней находится неприятель»³. Больше того, сосланным воинам воспрещалось увольняться со службы до самого окончания войны⁴, но и этого показалось недостаточно отцам-сенаторам. Тем же воинам было запрещено зимовать в укрепленных местах и устраивать зимние квартиры ближе 10 000 шагов от какого бы то ни было города. Аналогичные меры были приняты и по отношению к солдатам Фульвия, разбитого и обращенного в бегство в Апулии в предыдущем году. Для них сенат назначил такой же срок военной службы, как и для сражавшихся при Каннах. Таким образом, каннские легионы защищали Сицилию еще и в 206 году, т. е. спустя 10 лет после своего бесславного поражения⁵. Это событие хорошо засвидетельствовано источниками. Фронтин, дословно повторяя Ливия, передает, что консул Марцелл получил от сената такие же указания, как и проконсул М. Клавдий. Причем, добавляет он, каннские воины, помимо прочих ограничений, не имели права на получение каких-либо подарков⁶. В другом месте этот же автор указывает, что направленные в Сицилию воины получали, по определению сената, в пищу ячмень вместо пшеницы в течение семи лет⁷.

Фронтинем засвидетельствована еще одна форма коллективного наказания, а именно: по приказанию сената, войско, побежденное неприятелем в 280 году до н/э при Сариссе, было отведено консулом в один пункт, где оно разбило лагерь и провело всю зиму в палатках⁸. Те, сравнительно немногочисленные факты применения *decimatio*, которые описаны античными авторами, относятся, повидимому, исключительно

¹ Front. VI—1, 25—Указывает, что воины «были отправлены в Сицилию как бы в ссылку», см. также Liv. XXVI—2.

² Liv. XXV—7.

³ Ibid.

⁴ Liv. XXVI—1.

⁵ Liv. XXVIII—10.

⁶ Front. IV—1, 44; см. также Plut. Marc. 13; Val. Max. II—7, 15.

⁷ Front. VI—1, 25.

⁸ Front. IV—1, 24.

¹ Liv. XXVIII—28; Как указывает Мищенко, «Римский легион находился в Регии по крайней мере 8 лет, все время войны римлян с тарентинцами».

² Высшая оценка творчеству Мищенко дана в Вестнике Древней Истории, № 3, 1947 г., стр. 5, сл.

³ Liv. XXVIII—28. «Regium quondam in praesidium missa legio interfecit per scelus principibus civitatis urbem opulentiam per decem annos tenuit propter quod facinus tota legio milia hominum quatuor, in foro Romae securi percussis sunt».

⁴ Polyb. I—10; в другом месте Полибий говорит, что «мятежники в предвидении будущего защищались отчаянно» (Polyb. I—7).

⁵ Мищенко, прим. к I книге пер. Полибия, стр. 121.

⁶ Front. IV—1, 37.

⁷ О соотношении названных источников, см. А. Ранович, Введение к переводу «Стратегем» Фронтин в Вестнике Древней Истории № 1, 1946 г., стр. 221.

⁸ Front. IV—1, 37.

⁹ Val. Max. II—7, 15. Zonar. VII—26; Dionys. XX—4, 5; Dio. fr. 36; App. Sann. 9; Oros. IV—3, 3—5. Liv. Epit. XII—XV.

¹⁰ Liv. XXV—6.

¹¹ Liv. XXV—3, 5, 6, 7.

х пехоте. Другие виды коллективного наказания, менее суровые, чем *decimatio*, также крайне редко применялись в коннице. Консул Аврелий Котта приказал коннице вступить в дефице. Однако некоторые из всадников не выполнили этого приказа. Консул пожаловался цензорам и добился того, что на виновных было наложено взыскание. Он добился сверх того специального сенатского постановления, «чтобы им не шло прежнее жалование». Аналогичное постановление было принято по инициативе народных трибунов комициями. «Благодаря всеобщему единодушию,— указывает Фронтин,— дисциплина была восстановлена»¹. Сравнительно легкая карьера, постигшая всадников, совершивших тяжкое воинское преступление, лишний раз свидетельствует о привилегированном положении римских всадников сравнительно с пехотой.

Источниками засвидетельствован случай, когда распоряжением сената был наказан весь легион, в котором консул погиб в бою. Легион, признанный неполноценным, был лишен годового заработка, и его воинам урезали жалование².

Другим видом коллективного наказания являлось разжалование. Так, воины, попавшие в плен к царю Пирру, подверглись разжалованию (всадники в пехотинцев, пехотинцы — в легковооруженных). Сверх того, они не имели права находиться внутри лагеря до тех пор, пока каждый из них не доставит по два неприятельских доспеха³.

В заключение скажем коротко о наградах воинов. Обычай награждать воинов, отличившихся в боях, восходит, по всей вероятности, еще к царскому периоду. В эпоху республики практиковалось награждение венками. Различались венки: гражданские (*corona civica*), даруемые за спасение гражданина (из дубовых листьев), стенные (*corona muralis*), даруемые тому, кто первый взберется на стену осаждаемого города (из золота) и т. д. Русский ученый Ю. Кулаковский⁴ ставит вопрос, совершенно не освещенный иностранными романистами, о наградах воинов земельными наделами. В период республики, говорит Кулаковский, сложилось обыкновение, что после удачного похода полководец раздавал из добычи денежные подарки воинам. Это позволяло полководцам снискивать себе таким путем популярность в армии и привело в конце концов к тому, что военная служба стала карьерой, а солдат как бы принадлежал полководцу, а не государству. Отношения между воином и военным вождем приняли форму военного контракта, в котором солдат выгова-

¹ Front. IV—1, 22.

² Front. IV—1, 45; Val. Max. II—7, 15; Liv. XLII—18.

³ Front. IV—1, 16; Zonar. VIII—4; Val. Max. II—7, 15; Liv. Epit. 13; Eutr. II—13.

⁴ Ю. Кулаковский. Надел ветеранов землей и военные поселения в римской империи. Киев, 1881.

ривал себе то или иное вознаграждение. В этих целях полководцы прибегали к такому институту, как надел землей. Превращение ветеранов в земледельцев было не более, как расположение войска в гарнизоны; полководец мог обратиться в действующую армию¹. Солдаты рассматривали наделы, как свое право. Так, грамматик II в. Гигин прямо указывает: «terra tunc praemium erat», т. е. земля тогда являлась наградой. Если в республиканский период тогда являлась наградой, раздававшихся полководцами в качестве наград, определяемых усмотрением самих полководцев, то при императорах существовала строгая регламентация вознаграждения ветеранов. Значит: раньше — произвол полководца, после — строгая законность в определении того, что может получить ветеран.

¹ Аппиан, Гражданские войны, III, 12, 31, 42.